

A detailed portrait of a man with a full beard and mustache, wearing a dark military uniform with a high collar and a large, ornate star-shaped medal on his chest. The background is dark and textured.

СЕРГЕЙ
БОГАЧЁВ

ОХОТА
НА ИМПЕРАТОРА

Сергей Богачев
Охота на императора

«Алисторус»

2020

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Богачев С. В.

Охота на императора / С. В. Богачев — «Алисторус», 2020

ISBN 978-5-907332-34-8

После отмены крепостного права, побед на Балканах в Российской империи разрабатываются конституционные изменения. Однако внутренние и внешние враги самодержавия начинают охоту на императора: пущен под откос царский поезд, взорван Зимний дворец. Расследованием этих преступлений поручено заниматься адъютанту Великого князя Константина Николаевича, капитану второго ранга Лузгину.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-907332-34-8

© Богачев С. В., 2020
© Алисторус, 2020

Содержание

Глава I	6
Глава II	14
Глава III	19
Глава IV	25
Глава V	35
Глава VI	41
Глава VII	48
Глава VIII	55
Глава IX	63
Глава X	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

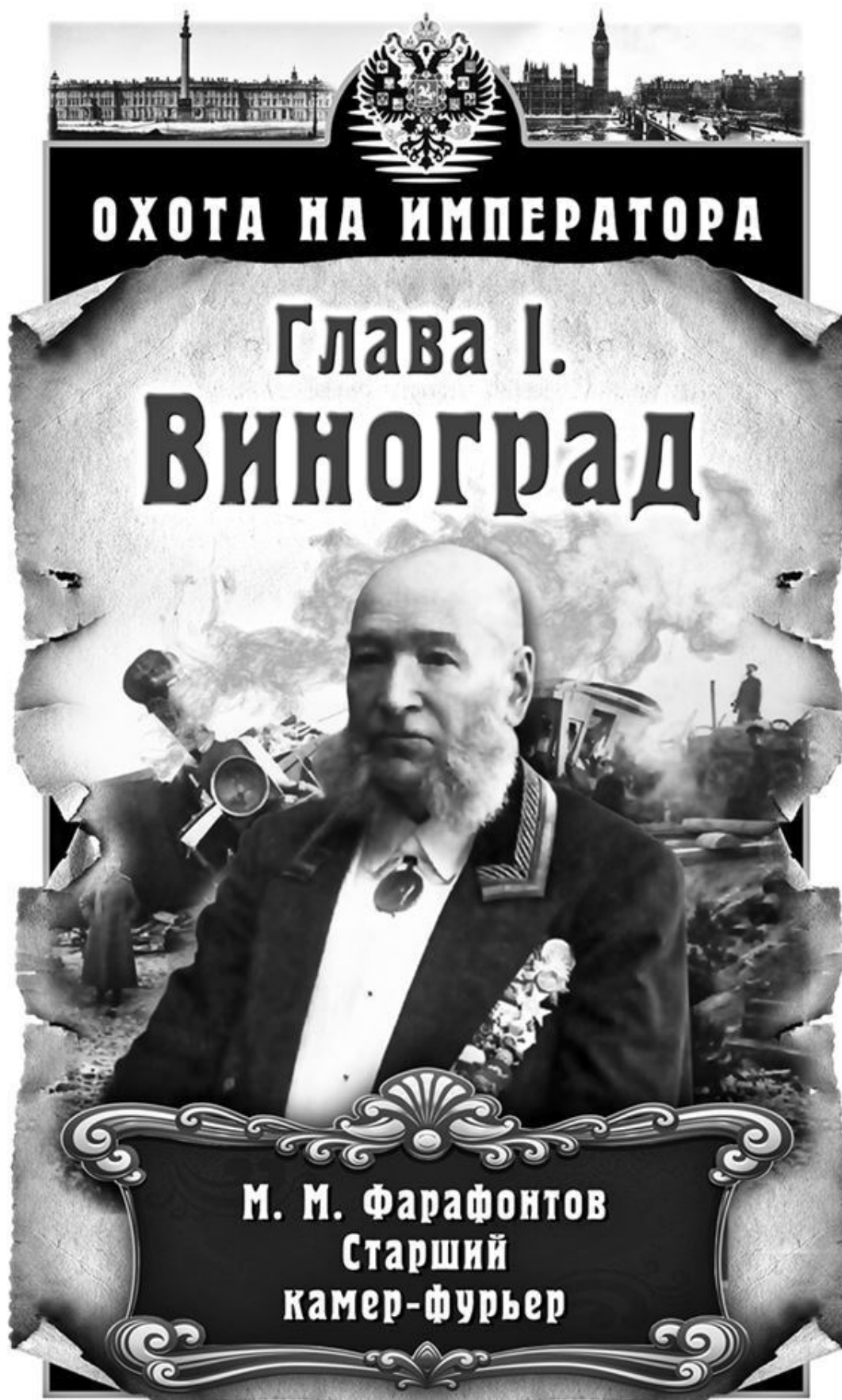
Сергей Валентинович Богачев

Охота на императора

© Богачев С.В., 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

Глава I
Виноград

В силу почтенного своего возраста старший камер-фурьер Матвей Маркович Фарафонов переносил дальнюю дорогу с большим трудом. Одно утешение грело теперь душу потомственного «человека» – теплой осенью 1879 года двор Его Императорского Величества Александра Второго возвращался в столицу из летней резиденции в Крыму поездом. Однажды побывав на борту императорской яхты «Тигр», Матвей Маркович навсегда зарекся ступить на палубу любого корабля по собственному желанию. Исключительно служебная необходимость могла его заставить снова пережить тошнотворные приступы морской болезни.¹

Покончив со всеми заботами, связанными с погрузкой в Симферополе багажа, канцелярии, запаса крымских фруктов, Фарафонов, с присущей ему пунктуальностью, еще раз по списку проверил соответствие всех багажных ордеров и отправился к себе в вагон, чтобы спокойно ожидать отправления.

Ритуал перемещения двора через всю страну с севера на юг и обратно был уже многократно и до мелочей отточен ежегодными поездками в такую любимую императорской семьей Ливадию. Старший камер-фурьер Фарафонов не без основания и с гордостью считал себя неотъемлемой и очень важной частью этого механизма. Шутка ли – одних бумаг и письменных принадлежностей он вез с собой два больших кофра, уж не говоря о гардеробе августейшей семьи и всего штата прислуги, занимавшем половину вагона. И все это следовало учесть, строгим глазом проверить погрузку, сохранность, и потом, по прибытии в Санкт-Петербург, перевезти в Зимний.

Конечно, ворчун Фарафонов лукавил, когда, поглаживая роскошные седые бакенбарды, жаловался на сложности переездов своим немногочисленным родственникам и друзьям, непременно каждый раз по приезду устраивавшим ему форменный допрос на предмет «как же там Е.И.В и что носили этим летом при дворе». Все эти хлопоты и так входили в круг его обязанностей, но какова же разница – дышать при этом крымским воздухом или прятать шею в воротник от пронизывающих питерских сквозняков.²

Ни одного раза еще не случилось, чтобы Фарафонов, в меру загоревший и неприлично счастливый, пожалел о своем многомесячном выезде. Ливадия с её прекрасным климатом, немислимыми для холодного Петербурга растениями и цветами, с её видом на море и обратно полностью покорила душу и сознание стареющего профессионального дворцового служителя, выдавшего до сих пор только низкие свинцовые тучи, да бесконечные дожди, зимой сменяющиеся снегом. Поначалу Матвей Маркович не подружился с крымским солнцем – оно его терзало своими жаркими лучами, вызывая на коже неприятный зуд и покраснение, но потом, пообщавшись с местными татарами при закупке фруктов, старший камер-фурьер понял, в чем хитрость. Относиться к светилу следовало как царственной особе – лучше находиться в тени. Теплом обласкает, но не обожжет.

Из Ливадии кортеж выехал утром, и целый день был потрачен на дорогу до вокзала Симферополя, где старшему камер-фурьеру предстояло, проявляя чудеса поворотливости, исполнить свои обязанности – все содержимое грузовых экипажей перекочевало в багажные вагоны с обязательной отметкой в ведомости.

– Михаил! Говоров! Ты где, Говоров? – старик в синей ливрее, несмотря на свои годы, обладал голосом командным, да таким, что любой боевой офицер позавидует.

В нижней части его списка, напротив записи «... винограда белых сортов три короба...» метка о погрузке отсутствовала.

– Где ты, разгильдяй? – заглянув через открытую дверь внутрь багажного вагона, Фарафонов всеми своими ритмами сердца отчетливо ощутил, что находился на грани нервного срыва.

¹ Человек – при дворе слуг называли «люди» и это не носило уничижительного оттенка.

² Е.И.В. – Его Императорское Величество

– Здесь я, Матвей Маркович! – раздался голос из глубины вагона, куда не распространялся тусклый свет газовых фонарей перрона.

– А виноград? Где виноград? – озабоченность старшего камер-фурьера могла быть сравнима разве что, с тревогой генерала, потерявшего в тылу обоз с провиантом и боезапасом для действующих частей.

– Так здесь, в аккурат рядом с персиками и грушами, господин старший камер-фурьер! – в подчинении Фарафонтова иначе, как на армейский манер, не докладывали, за тот порядок и держали старика на службе при дворе уже которое десятилетие.

– Экий же ты глупец, Говоров! Гофмейстер велел отдельно получить на вокзале три коробки других сортов! Привезли коробки?³

Появившись в проеме вагонной двери, слегка побледневший Говоров сообразил, о чём шла речь – мундкохи истребовали для собственного приготовления изюма три специальных сорта белого винограда, который доселе к столу не подавали. И виноград этот должен был прибыть к отправлению свитского поезда, к половине двенадцатого ночи.⁴

– Никак нет, я не принимал... – прежняя прохлада в голосе Говорова улетучивалась по мере того, как свирепел старший камер-фурьер.

Вокзальный колокол пробил два раза, что означало – до отправления свитского поезда осталось несколько минут.

На свой вопросительный взгляд Говоров, красноречиво выглянувший из багажного вагона, ответа не получил, лишь жестом Фарафонтовском командовал отбыть своему подчиненному в вагон.

За спиной старика с грохотом закрылась дверь, а тот, словно ищейка, продолжал ходить взад-вперед по перрону, всё еще надеясь завидеть татар в фесках на голове и с коробками в руках.

Следующий колокол заставил Матвея Марковича распрощаться с надеждами на благополучный исход дела и дальнейшую карьеру старшего камер-фурьера. Один из двух паровозов, прицепленных к составу из четырнадцати вагонов, дал свисток, и свитский поезд медленно тронулся, набирая ход. Фарафонтов, стоя на подножке, все еще с надеждой разглядывал уходящий вправо перрон, на котором с одинаковым интервалом были выставлены в оцепление жандармы. Следующим будет отправляться поезд Его Величества и оцепление не снимут до тех пор, пока дым от его паровозов не исчезнет из вида.

– Желаете чайку, Матвей Маркович? – Говоров, уже который час наблюдал своего начальника сидящим у окна, рассеянным взглядом считавшего редкие и тусклые огоньки дальних деревень. Уж скоро и рассвет, а старик и не думает ложиться... А завтра весь день, до глубокой ночи опять на ногах.

– Спи, Говоров... Без тебя управлюсь...

– Вот это вы, Матвей Маркович, из-за того винограда так душу рвете? – Говоров долго не решался, но наконец-то спросил.

– Опять убеждаюсь, что дурень ты, Мишка... Не в винограде дело, не в изюме, и не в конфектах, что поварские задумали. Фарафонтов не выполнил обещание.

– Так, а что вы до татар тех?! – искренне изумился Говоров, скидывая ливрею. Уж никаких сил не было терпеть – сон брал своё.

– Поживешь с моё – поймёшь. Спи.

Старший камер-фурьер накинул на плечи шинель, прихватил папиросы, и, вопреки всем правилам, отправился на вагонную площадку дышать воздухом, тем более, что за окном показались первые приземистые домики окраин Мелитополя.

³ Гофмейстер – придворный чин, отвечавший в том числе, и за кухню.

⁴ Мундкок – повар, готовивший личный стол императорской семьи.

– Спички забыл, Матвей Маркович... – Говоров, неоднократно попадавший в немилость к своему старшему, всё же испытывал к нему немалое чувство благодарности.

Попасть в дворцовую прислугу человеку постороннему было практически невозможно. Знания передавались от отца к сыну, служили целыми династиями, начало которым, как у Фарафоновых, положили еще царские крепостные, а Матвей Маркович однажды заметил на каретном дворе Мишку Говорова, соседского сына, да и попросил перевести его к себе в подчинение – все же в тепле, да и кухня рядом.

– Чего не спишь-то, Мишка... – голос старика подобрел, но лицо по-прежнему, то ли от сумрачного освещения, то ли от печали его, имело землистый оттенок

– Нельзя так, Матвей Маркович. Нельзя так убиваться! Да что они, винограда не найдут? – Говоров зажег спичку, чтобы дать прикурить старику, но ему это сделать с первого раза не удалось – вагон от неожиданного торможения довольно резко качнулся, и поезд, следовавший и без того тихим ходом, остановился.

– Дай еще... – Фарафонов, придерживая рукой китель, приготовил папиросу.

– Да с дорогой душой, Матвей Маркович, курите на здоровье, – спичка, отдавая огонь табаку, на секунду осветила седые бакенбарды старика и сделала его морщины на лбу особенно глубокими.

– Пойми, Михаил... Они ж без нас, как без рук. Как думаешь, кто-то из Великих княжон себе корсет затянет? Аль государь экипаж запрежет?

– Ну, насчет княжон, я не скажу, я ж не фрейлина, в комнатах их не бывал, – Говоров рассмеялся тем провинциальным смехом, который так не любил Фарафонов, за что сразу же получил затрещину.

– Прощу-с прощения покорнейше... – с лица Мишки все же не сходила улыбка. – А вот государь, так он что, не мужик, что ли? Не знает, с какой стороны к коню подойти?

– Да знает, конечно... Но не приличествует это царской особе. Нельзя так. У него не о сбруе, у него о делах голова болеть должна. А конфеты те кондитеры придумали для Марии Александровны, дай Бог ей здоровья. Поговаривают, на поправку пошла, скоро домой вернется из Каннов, так они и ломают голову, чем удивить императрицу.⁵

Глубоко затянувшись, Фарафонов с удовольствием выпустил вниз сизую струю дыма так, как он это делал в молодости, поджав нижнюю губу.

– Чего это мы стоим в этих хамырях? – старший камер-фурьер, свесившись над ступеньками, осмотрел хвост поезда, благо – изгиб пути делал его видимым.

– Ну что может произойти? Да к поезду и не подойдет никто! – Мишка всегда восхищался, что по пути их следования, особенно, в населенных пунктах, вдоль полотна были расставлены полицейские.

– Их дело стоять, моё дело, чтобы пломбы на багажных вагонах были целы, – парировал Фарафонов, разглядывая другой конец состава.

– Да что там можно приметить в такой темноте? Какие пломбы, Матвей Маркович?

– Ты на мне пенсне или очки когда-нибудь видел? Вот, то-то... А я на охоте глухарю в глаз попадал...

– А что, разве не дробью палили? – моментально расхохотавшись, сострил Говоров.

– А ну, цыц, засранец! Почто я тебя только подобрал с конюшни? Щас крутил бы хвосты кобылам, – гнев старшего камер-фурьера в этот момент показался Мишке несколько наигранным, не то, что в Симферополе.

– Глянь, Матвей Маркович, не иначе, литеру «А» пропускаем... Вперед нас только они ж могут проехать?

⁵ Мария Александровна – Императрица, супруга Александра II.

В свете прожектора первого паровоза, пролетевшего мимо, Фарафонтов успел разглядеть двери своих багажных вагонов, после чего, удовлетворенно заметил:

– Пломбы на месте. Давай еще спичку... – старший камер-фурьер потянулся за следующей папиросой.

Мимо, практически не притормаживая, по соседнему пути промчались два паровоза и десять синих вагонов с гербами над каждым окном.

– Ну, может, поспешает царь-батюшка, раз так летят... – Мишка с удовольствием ощущал себя причастным к делам государственным и иногда позволял себе проявить свою осведомленность прилюдно, как в этот раз. Следующая затрещина от старика не заставила себя долго ждать.

– Эй, там! На площадке! Чего высунулись? Не положено! – голос из темноты принадлежал, судя по форме, офицеру, сделавшему несколько шагов на свет.

– Ты б милоч, так караулил минуток эдак пять назад, а теперича уж поздно выслуживаться... Проехал литерный, – Фарафонтов осадил жандарма, продолжая курить папиросу.

– О вашем поведении будет доложено по инстанциям! – продолжал молодежавый голос усача из кустов.

– В рапорте своём напишешь – старший камер-фурьер Фарафонтов пломбы на багажных вагонах проверял, пользуясь внезапной остановкой поезда! Запомнил? Фа-ра-фон-тов! – последние слоги своей фамилии разозленный старик кричал изо всех сил, чтобы офицер слышал её полностью среди лягга вагонов тронувшегося свитского поезда. Нарочито сильно хлопнув дверью, старший камер-фурьер демонстративно оставил последнее слово за собой, после чего, приказным жестом велел Говорову проследовать в купе и занять свое место:

– Пока язык за зубами не научишься держать, Мишка, толку с тебя не будет. Наше дело – смотреть, да прислуживать, а разговаривать будешь, когда спросят.

– Эх, Матвей Маркович... Ежели в отставку вас спроведят по приезду, так уж позаботьтесь, чтобы меня в конюшню обратно. Без вас, сожрут меня во дворце без соли и перца... – расстроенный Мишка повернулся спиной к своему начальнику и погнался от себя злые мысли, чтобы быстрее погрузиться в сон.

Все попытки старика успокоиться и заснуть не увенчались успехом. Он корил себя за то, что такое важное дело доверил Мишке – нужно было самому все перепроверить, подтвердить и убедиться. Теперь с кого спрос – конечно, с него самого. Матвей Маркович в красках представил себе лицо гофмейстера, когда тот узнает, что императрица не оценит вкуса новых конфет, созданных специально к её прибытию во дворец.

На волне этого расстройств Фарафонтов на следующий день просто загонял Мишку по составу, заставив его инвентаризировать весь багаж – в Харькове во время заливки воды в паровозы Говоров бегом отправился с ведомостями в багажный вагон, да там и остался, не успев выбраться до отправления свитского поезда.

«И поделом ему...» – Фарафонтов поймал себя на этой мысли и даже её устыдился, понимая, что годы берут своё и из строгого дворцового служителя он превращается в озлобленного брюзжащего старика, получающего удовольствие от собственной значимости. В любом случае, уже ничего изменить было нельзя. Мишке предстояло ехать в багажном вагоне, среди сундуков и кофров аж до Москвы, в которую они должны были прибыть уже затемно.

Оставшись наедине со своими волнениями, Фарафонтов посвятил себя мыслям об отставке, так как за весь день не придумал нужных слов, чтобы оправдаться в дальнейшем перед гофмейстером.

Первые московские крыши проплыли перед окном уже ближе к десяти часам вечера и, поддавшись велению совести, Матвей Маркович решил заварить чаю для своего младшего камер-фурьера Мишки Говорова. Все же, почти весь день просидеть в холодном вагоне – это испытание, одно успокоение – Мишка там остался по своей нерасторопности.

«Зато все в полной сохранности...» – наливая в заварник кипяток, Фарафонов пытался сохранять равновесие, расставив широко ноги, чтобы компенсировать раскачивание притормаживающего состава. Машинисты всегда сбавляли ход перед мостом через Язу, а значит – совсем скоро, через несколько минут, за окном появится вокзальная платформа.

«И сахару не пожалеть, а то малец обидится...» – рука Фарафопова потянулась к дверце серванта. «Скрипит... Негоже это...».

До сахарницы Матвей Маркович дотянуться не успел. Какая-то сила бросила его сначала вперед, по ходу поезда, потом под потолок, и, в конце концов, Фарафонов головой разбил стекло той самой дверцы, что, впрочем, не имело уже значения на фоне общего светопрествления, происходившего в вагоне.

Несколько случайных прохожих, наблюдавших этот фейерверк издали, со стороны, сначала резко обернулись на свет яркой вспышки, но потом, почти сразу же, пригнулись от мощного удара взрывной волны, пронесшегося по окрестностям. Огненный шар подбросил в воздух один из вагонов, раскрошив его в щепки. Доски обшивки взлетели в воздух и приземлялись в рыхлый снег почти бесшумно. Белое поле вокруг насыпи железной дороги равномерно покрылось черными пятнами горящих обломков.

Адский грохот длился несколько секунд. Скрежет металла, хруст деревянных балок, звон падающей на голову посуды – старику показалось, что он оказался внутри жестяной коробки с леденцами, которую встряхнул безжалостный великан и он – всего лишь один из маленьких цветных шариков, летающих внутри.

Очень скоро все затихло. Там, где только что было окно, зиял пролом в стене, заполненный снегом попеременно с грязью. Продолжали издавать звуки лишь слегка потрескивающие от напряжения фанерные листы внутренней обшивки.

Свет погас сразу же, так что Фарафонов не смог оценить ситуацию моментально, сил хватило лишь на то, чтобы выбраться из-под дивана, привалившего его правую ногу, но еще большую, жгучую боль старик чувствовал в груди и боках. Похожее ощущение, но только в разы меньшее, он испытал в молодости, когда упал с лошади и сломал два ребра.

– Есть кто живой? – голос снаружи наверняка принадлежал жандармам из оцепления. – Отзовись!

Фарафонов попытался было ответить, но не смог сделать глубокий вдох из-за той самой боли. Оставалось лишь выбираться наружу самому, но как? Другой ряд окон был обращен к небу, и добраться туда не представлялось возможным.

«И дверь запер на засов...» – взгляд Фарафопова остановился на том месте, где с трудом угадывался выход на посадочную площадку. Приложив немало усилий, чтобы встать на ноги, Матвей Маркович вооружился отломившейся ножкой стола и несколькими ударами заставил засов опуститься.

– Есть! Есть живые! – снаружи услышали стук и принялись выбивать перекошенную дверь, благо, она открывалась внутрь. Старику оставалось только ждать.

Через пару минут дверь, отчаянно хрустевшая под ударами сапог, таки поддалась и громко хлопнула под собственным весом.

– Ты где? Сколько вас? – жандарм снял фуражку и крикнул кому-то сзади – А ну, подоби, тащим его!

Жандарм ухватился за лацканы ливреи камер-фурьера и дернул их на себя.

Зрелище, представшее перед страшным камер-фурьером после того, как его извлекли из лежавшего на боку вагона, напоминало поле брани. Два паровоза утащили за собой первый уцелевший багажный вагон и остановились почти перед самым мостом. Второй багажный, вернее то, что от него осталось, лежал на крыше. Колеса его продолжали вращаться по инерции с противоположным скрежетом, а под тем вагоном, из которого достали самого Фарафопова, образовалась внушительных размеров воронка, из которой разило незнакомой для старика вонью.

Вся эта картина сопровождалась паническими криками пассажиров, следовавших в дальних вагонах, женскими воплями и отрывистыми командами старших жандармов, командовавших оцеплению оказывать помощь.

– Погоди-ка, дружок... мне туда надо... – Фарафонов освободился от опеки своего спасителя и, держась за бок и хромя, побрел к разрушенному багажному вагону.

– Куда, куда? – жандарм попытался остановить старика в грязной, синей ливрее с золотыми кантами на воротнике, но ему это не удалось.

– Туда! Там Мишка мой! Отстань по-хорошему! Подсоби лучше! – Жандарму не оставалось ничего более, как прийти на помощь.

– Та погодь! Рухнет же! – бравый усач попытался здраво оценить ситуацию. Вагон лежал на разрушенной крыше, опираясь лишь на деревянные шпангоуты, потрескивавшие под весом рамы и колес, оказавшихся сверху.

– Пусти! – заорал старик, отталкивая пытавшегося удержать его жандарма, звание которого он даже не рассмотрел.

– Эх, дед... И меня еще погубишь... – синий мундир всё же аккуратно применил силу к бесполезному сейчас камер-фурьеру, пытавшемуся совладать с болью в теле, и одновременно рвавшемуся спасти Говорова, – Пстой-ка, уважаемый... Я сам.

Жандарм двумя руками отодвинул его в сторону и, примерившись, выбрал один из проломов в стене лежащего на крыше багажного вагона, через который он мог бы проникнуть внутрь шаткой конструкции.

– Мишка! Миша! – Фарафонов и не думал отступить и полез следом.

– Уйди, чума! Рухнет же! – скрежет угрожающе нарастал и усач, забравшийся внутрь, натужно кряхтел и матерился, будто кого-то тащил.

– Есть еще кто там? – вытащив Говорова, жандарм с трудом выбрался сам и только после этого одна из стен вагона, не выдержав напряжения, с треском сложилась, заставив начинающих собираться зевак пригнуться от резкого звука.

– Мишка! Мишка! – Фарафонов бил своего подопечного по щекам, в надежде, что юноша подаст признаки жизни.

– Снегом его, снегом... – жандарм схватил полную горсть грязной, но холодной серой массы и растер Говорову лицо, после чего тот закашлялся и громко застонал.

– Так есть там еще кто? – жандарм, удовлетворенный удачной своей вылазкой, уже надевал на голову шапку с кокардой, достав её из-за пазухи.

– Нет... Бог миловал... – ответил Фарафонов, держа в руках Мишкину голову.

– Я это... того... – сквозь кашель пытался выговорить помощник старшего камер-фурьера. – Ты, Матвей Маркович, сердце не рви... там внутри от фруктов токмо мармелад и остался. Какой там виноград был, хрен кто теперь разберет... Так что, спасены мы...

– Как был дурак, так и остался... Ничего, научишься еще честно служить... – Фарафонов, облегченно выдохнув, лишь опустил голову. Во всей этой суматохе и шуме он не мог слышать разговоров ротозеев из ближайших домов, живо выдвигавших версии случившегося.

– Да как жажнет! Так мины на нашем редуте рвались, – убеждал всех одноногий, легко одетый старик.

– Та то, небось, вагон грюкнул, когда от паровоза оторвался! – спорил ним его сосед, успевший накинуть на плечи овчинный тулуп.

– Ты, паря, тута не умничай! Воронку тоже паровоз сделал? Вон! Доселе дымится! – не сдавался одноногий.

– Ой! А что ж с батюшкой императором? – кудахтала деваха в цветастом ситцевом платке, накинутом поверх неаккуратно собранных волос.

– А к чему тут государь? – одноногий с убедительным видом оперся на культю и принялся навинчивать самокрутку. – Это ж свита, не видишь, чтоля... Царский-то поезд просвистел первым, его в дыму и не разглядеть было, так кочегары растопили, уххх!

– Ой, слава Богу! Бережет он нашего батюшку-императора, ох, бережет...

Любопытная невысокая девка в застиранном платке, закрывавшем большую часть высокого лба, повернулась лицом к монастырским куполам, осенила себя крестным знамением, подтянула обеими руками узелок платка и ретировалась с места происшествия, опустив взгляд себе под ноги...

Глава II
Маскарад

20 ноября 1879 г. Москва

– Треклятые штудентики... – дородного вида баба, пытаясь одновременно забраться на площадку вагона и при этом не уронить на платформу громадную плетеную корзину, бережно накрытую платком, без стеснения чертыхалась, посылая проклятия всему миру в общем и самым прогрессивным его представителям в частности.

– Нюра, Нюрочка, обнимай внучка, да про гостинцы не забудь! – слова тщедушного мужичка, провожавшего её в дорогу, потерялись на фоне вокзального шума, и пассажирка третьего класса с корзиной в руках с досадой махнула в его сторону. Проклятия, отчетливо читавшиеся на её губах, сыпались, словно из рога изобилия. Мужичонка кепку свою смял со всем усердием, будто это могло как-то успокоить его жену, разрывавшуюся между необходимостью срочно ехать в Петербург спасти заболевшего чахоткой внука и страхом предстоящей поездки.

Страх этот проник в широкую, но ранимую душу Нюры совершенно не в связи с перспективой похода на вокзал. Она уже давно не подпрыгивала от высоких и резких звуков паровозных свистков, с помощью мужа разобралась, что из трубы локомотива валит не дым, а пар, и потому пожара в дороге не случится (супруг торговки уже подготовил оправдательную речь на случай, если вскроется его бессовестный обман). Даже ко встрече со злодеями в питерской подворотне подготовилась основательно – зашила все семейный сбережения, предназначенные для спасения внука в тот предмет гардероба, который позволила бы снять с себя только через смертоубийство. Нет, Нюра не опасалась ни дальней дороги, ни каких-либо других испытаний. Больше всего она боялась не доехать, и тогда внучок Николаша, свет очей её, помрёт в холодном Петербурге, где-то в сумрачной палате больницы святой Марии-Магдалины на Васильевском острове.

Со вчерашнего дня по Москве пошли слухи, что на железной дороге случился взрыв, который устроили проклятые антихристы, чтобы убить государя. Слухи носились между рыночными рядами, да по дворам, обрастая ежечасно все новыми подробностями – будто там, на левом берегу Яузы, недалеко от железнодорожного моста, тела людские складывали рядами, да так, что конца этой скорбной ленте было не видать. Другие судачили, что Его Величество сам-то уцелел, но точно видели, как плакал, вынося на руках из горящих обломков поезда дражайшую супругу свою, Марию Александровну, всю окровавленную, в платье, изорванном взрывом чудовищной силы. Третьи жаловались, что якобы, стекло не стало на версту в округе и плотника ни одного теперь не найти – все заняты. Нет у тебя мужика – завешивай окно мешковиной, может, и дождешься на днях.

Лютую нелюбовь Нюры к «штудентикам», от которых, по её авторитетному мнению, пошли все беды, разделял весь рынок на Болоте, где она каждое утро надевала чистый передник и становилась за свою лавку, которая славилась особенным посолом квашеной капусты.⁶

Вести о тяжкой болезни внучка Коли и взрыве на железной дороге пришли почти одновременно, что ввело горластую лавочницу, которую тяжело чем-то напугать в принципе, в состояние ступора. Впервые Нюра ощутила неприятную сухость во рту и слабость в руках, в красках представив себе разорванные на клочья тела несчастных пассажиров, валяющиеся на склоне железнодорожной насыпи вперемежку с раскрытыми чемоданами, кофрами и дымящимися обломками состава.

Трижды перекрестившись, Нюра уселась на диван вагона третьего класса, что располагался прямо возле окна. Лавочница впервые путешествовала поездом и интуитивно заняла место, казавшееся ей более безопасным. Завидев на перроне мужа, так и не отпустившего кепку, торговка квашеной капустой невольно улыбнулась – сейчас он ей напомнил того растерянного кавалера, который когда-то давно так и не смог подобрать правильных слов для выра-

⁶ Болото – Болотная площадь.

жения терзающих его чувств. Нюра тогда взяла инициативу в свои руки и не отпускала её уже больше двадцати лет, а теперь вот, впервые им приходилось надолго расстаться, да еще и по такому неприятному поводу. В груди защемило, женщина попыталась подавить приступ грусти, сопровождаемый спонтанными слезами, да смогла только помахать мужу рукой, но в этот раз – по-доброму. Стало ей жаль своего благоверного, одиноко стоящего перед запотевшим окном вагона среди снующих с багажом грузчиков, опаздывающих пассажиров и редких военных, ищущих свой вагон.

– Позвольте? – раздумья Нюры о хрупком семейном счастье прервал тихий и неуверенный голос слева, принадлежавший скромного вида барышне.

Не привыкшая к таким речевым оборотам лавочница оценивающе взглянула на юное создание в шляпке с дымчатой вуалью, чтобы принять решение, какой ответ дать на поставленный вопрос. Окотив это хрупкое существо с ног до головы взглядом, полным сочувствия, Нюра все же определилась, что в дальней дороге компания юной институтки гораздо лучше, чем, к примеру, вот этот поп, от которого так и прёт за версту луком да перваком. Пробормотав что-то вроде «...прости, Господи...» священнослужитель уже устроился на противоположной лавке, с трудом уместаясь на ней всеми своими одеяниями.

– Позволю, чего ж не позволить... Вижу, ты много места не займешь, – Нюра и не думала шутить, просто она здраво оценила телосложение и точеную фигуру девушки.

Барышня присела на край дивана так скромно, будто всю дорогу собиралась провести в позе птички, неподвижно сидящей на жердочке, чем вызвала у Нюры очередной приступ жалости.

– Так и будешь на краю висеть? Двигайся ближе, не укушу, – Нюра зычным своим голосом обратила на себя внимание не только уж было задремавшего священнослужителя, но и остальных пассажиров.

– Благодарю вас... – тихий голосок слился со звуком, который издал паровоз, оповещая окрестности о своем отпращивании.

– Чего? – Нюра привыкла, что люди изъясняются громко, четко, торгуясь за каждую копейку, а если ты не в состоянии голос подать, так ты не иначе, как убогий или больной.

Смутившись, «институтка» опустила взгляд, взявшись обеими руками за маленькую сумочку. Другого багажа у нее с собой не было, этим она разительно отличалась от остальных пассажиров, на что Нюра сразу же обратила внимание.

– Случилось что? – лавочница прониклась состраданием, наблюдая, как большие серые глаза девушки наливаются слезами.

– Нет, нет... Ничего... – отвечала барышня, не поднимая взгляд.

Резкий толчок качнул пассажиров, дав им верный знак, что поезд тронулся и путешествие начинается.

– Ты, дитё, не держи в себе... Поплачь, если хочешь. Полегчает, вот сразу увидишь, – Нюра доверительно наклонилась к своей попутчице и разговаривала с ней теперь не громко, будто с близким человеком. Такую разительную перемену можно было бы пояснить только тем, что сама лавочница пребывала в крайней степени расстройства и напряжения, искала способ отвлечься от всех этих незнакомых звуков и ощущений, связанных с движением поезда.

Вокзальная платформа медленно поплыла в окне, фигуры провожающих, каждая из которых отбрасывала перекрестье теней от света фонарей, двигались все быстрее, наконец, мелькнул черный столб семафора, и барышня в шляпке искренне разрыдалась, припав к плечу Нюры.

– Спаси и сохрани... – священник, наблюдая эту картину и растерянный взгляд некогда нахрапистой рыночной торговки, покровительственно осенил рыдающую юную особу крестным знаменем и тут же отвернулся к окну, впадая в дрему.

Обычно суровая, тертая судьбой и рыночными нравами, Нюра имела в своем словаре множество речевых оборотов на все случаи жизни. С колким взглядом и резким лексиконом

лавочницы с Болота были знакомы и маклаки, и рыночные попрошайки, и даже городской Палпалыч, набравшийся наглости на Троицу испросить изрядное количество «капусточки на дегустацию». Сама не находя тому объяснения, Нюра констатировала, что на этот случай жизни у неё заметить нечего. Все, что смогла сказать торговка, так это – «...да что ж такое..», после чего положила свою тяжелую ладонь на спину юного, всхлипывающего создания.⁷

– Золотко, ты хоть скажи, чего стряслось-то? – лавочницу уже не тревожил необычный и ритмичный стук колес под днищем вагона и тошнотворное его покачивание.

Ответа не последовало. Лишь череда затихающих тихих всхлипываний дала Нюре понять, что барышня начала справляться со своим нервным припадком.

– Простите меня за... – только «институтка» оторвала голову от мощного плеча торговки, как со скрипом отворилась дверь на площадку, где в проеме появился жандарм железнодорожной полиции, а за ним какой-то пожилой мужчина в картузе и хорошем, дорогом кафтане. Тот самый купец, который в деталях описал полиции хозяйку дома заговорщиков.

Дверь захлопнулась за вторым жандармом с пышными усами, что следовал последним.

Кинув взгляд на публику, уже обустроившуюся на своих местах, первый жандарм обернулся к гражданскому с вопросительным взглядом. Тот недоуменно пожал плечами, и они двинулись вдоль прохода между лавками, вглядываясь в лица всех пассажирок женского пола. Особенно внимательно женщин рассматривал именно этот мужчина в гражданской одежде.

Как только процессия дошла до третьего дивана, мужик в картузе нагнулся к торговке, чтобы поближе рассмотреть её лицо в тусклом свете свечей, освещавших салон вагона, но Нюра зло, как она это умеет, окатила взглядом и жандармов, и гражданского, их сопровождающего. Обычно такого внимания удостаивался её супруг, пришедши из трактира за полночь в будний день. Полный презрения взгляд означал одно – дитё рыдает, а вы здесь лишние.

– Простите за минутную слабость... Такого разочарования я никогда не испытывала... Два месяца я его ждала, я так надеялась, а он... – едва слышно пролепетала девушка, не отрываясь от промокшего от слез плеча лавочницы.

Услышав обрывки разговора за спиной, последний жандарм приостановился и слегка повернул влево голову, чтобы лучше разобрать суть их беседы. При этом он сделал вид, что считает именно в этот момент, между делом, накрутить свой бравый ус.

– Что, моя хорошая? – Нюра на фоне всех этих эмоциональных испытаний последнего получаса сама уже была готова разрыдаться.

– А он поехал другим поездом! Представляете? Я два месяца готовилась его встречать, а он взял, и сел в другой поезд! – барышня в шляпке опять ударилась в плач, растревожив только задремавшего священнослужителя.

Ничего не понимающая Нюра кольнула усатого жандарма своими карими глазами и тот, не выдержав напора торговки, предпочел с важным видом заняться какой-то мещанкой возрастом лет около двадцати пяти, возле которой остановился купец.

– Где проживаете? Паспорт предъявите! – за спиной Нюры и продолжавшей рыдать у нее на рукаве «институтки» жандармы принялись расспрашивать женщину с явно псковским диалектом.

– Ну, так чего ты душу теперь рвешь, доча? – Нюра настолько прониклась бедой своей внезапной подопечной, что теперь её уже интересовали подробности этой любовной истории.

Купец, внимательно разглядывавший их соседку за спиной, сморщился, раздраженный тем, что не может на фоне зычного Нюрыного голоса расслышать ноты голоса пассажирки, которую опрашивали жандармы. Он очень хотел услышать знакомые тона, но в её тихом говоре память не находила ни малейшего соответствия с голосом мещанки Марии Семёновны Сухо-руковой, которую сейчас разыскивала вся московская жандармерия, Третье управление и он,

⁷ Маклаки – торговцы, посредники.

Никита Тимофеевич Разумов, единственный человек, давший дознавателям внятное описание владелицы дома, причастной к покушению на Императора Всероссийского, Александра Второго...

Глава III
Заступник

21 ноября 1879 г. Санкт-Петербург.

– Я отброшу в сторону те чувства, что обуяли меня, когда узнал весть о взрыве. Мы братья, и ничего кроме тревоги и досады я ощутить не мог. Благо, по воле Божьей беда нас миновала.

– В очередной раз...

Великий князь Константин, пытавшийся в громадном окне своего рабочего кабинета разглядеть признаки приближающейся зимы, даже не обернулся. Скажи ему эту фразу кто-то другой, да ещё и таким панибратским тоном, Его Императорское Высочество взорвался бы вспышкой гнева, схожей по яркости с выбросом лавы из жерла Везувия, но младший брат императора Александра II, Председатель Государственного совета и бровью не повёл.

– Вы правы, капитан второго ранга... Господь милостив к августейшей семье... – руки, сложенные за спиной – это единственное, что видел адъютант. Он никак не мог наблюдать лицо своего патрона, мог лишь догадываться, какие там бушуют эмоции. Подтверждением тому служили два импульсивно сжавшихся кулака Его Высочества.

Совладав с разрушавшими логическое мышление и здравый смысл эмоциями, Константин Николаевич сообразовал обернуться, но взгляда не поднял. Так и направился к своему обитому зеленым сукном столу.

– Вы присядьте, Леонид Павлович... – опираясь локтем на кресло, Великий князь принял необычную позу – двумя пальцами рук поглаживая бороду, смотрел куда-то в пустоту. – Знаете ли, событие не то, чтобы тревожное... Скорее – трагическое.

Адъютант молчал, ибо прекрасно понимал, что сейчас его шефу необходимо выговориться.

За десять лет, что прошли с того дня, когда пунцовый от стыда капитан получил от Великого князя вместо взыскания и трепки приказ переходить в адъютанты, Леонид Павлович Лузгин познал все тонкости характера Его Высочества. Взрывные эмоции и холодный, на грани пренебрежения, тон, фамильярность, граничащая с бестактностью, ирония и сарказм, Великого князя частенько доводили до истерики всякого придворного, некстати попавшегося под руку, особенно, если это была барышня.

С годами Великий князь Константин менялся, и, как многие подходящие к закату лет мужчины, не в лучшую сторону. Во взгляде вместо молодецкой искры все чаще можно было заметить некоторую задумчивую рассеянность, приказы Великий князь отдавал все больше жесткие, порой, невыполнимые, круг своего искреннего и доверительного общения сузил до минимума. Перемены в характере младшего брата императора заметили все при дворе. Многие при этом не брезговали лишний раз посплетничать и проявить свою информированность.

– Четвертый раз... – тихо сказал Великий князь, зачем-то взяв в руки перо. Лузгин тот час же обратил внимание именно на рассеянность взгляда шефа, что позволило ему сделать вывод, что обычная стройность мысли Председателя Государственного совета сейчас катастрофически разрушена.

– Не успел развеяться дым от бомбы, как фрейлины уже шепчутся о том же, что и раньше – Великий князь задумал недоброе, чтобы занять место брата и дать титулы всем своим внебрачным детям! У меня складывается такое впечатление, что они свою внешнюю серость пытаются всеми способами компенсировать злоязычием!⁸

Голос хозяина кабинета к концу фразы становился всё громче и точкой в этой мысли стал крепкий удар кулаком о стол, от которого серебряная крышка массивной каменной чернильницы издала звонкий, высокий звук.

– Я? Я желаю смерти своему брату? Не Государю, брату своему! – Константин Николаевич, пребывая в приступе гнева (а Лузгин, в силу своей особой приближенности, имел возмож-

⁸ При дворе не принято было принимать во фрейлины барышень миловидной наружности.

ность наблюдать это действие не единожды) моментально мог превратиться из добрейшей души обаятельного остряка в ястреба с колким взглядом хищника. Именно эта эволюция и произошла в один момент, заставив адъютанта предусмотрительно отложить пару вопросов, назревших в связи с ситуацией.

– Знаешь, капитан, что Его величество сказал, как только ступил на перрон Курского вокзала? – Константин Николаевич, заложив руки за спину, принялся нервно расхаживать по кабинету, опустив голову вниз, будто пытался прожечь паркет взглядом.

Лузгин лишь покачал головой из стороны в сторону, но Великий князь этого не увидел, он продолжал отбивать каблуками своих сапог отбивать постоянный ритм, где каждый звук удара подбоя о паркет раздавался ровно через секунду.

– Он спросил, зачем эти негодяи травят его, как дикого зверя! Понимаешь, капитан второго ранга Лузгин?! Травят, как дикого зверя. И куда приводят домыслы этих праздных, легкомысленных, сплетниц? Правильно, ко мне...

Адъютант прекрасно понимал, насколько глубока душевная рана его патрона, уже который год вынужденного доказывать свою преданность брату.

– Что там, под их шляпками творится, мне совершенно не нужно знать. Ничего для пользы дел государственных там не сыскать, но ты понимаешь, Лузгин, эти пигалицы в силу своей природной непосредственности на словах не экономят, а вот министры... Советники, генералы некоторые... Те же калачи тёртые, они своими опасениями и догадками делятся в кругу чрезвычайно узком... И там все еще хуже!

Вопросительный взгляд адъютанта Великий князь ощутил на своей спине.

– Да, да, Лёня... Государя подводят к мысли, что надвигается династический кризис!

Лузгин, в силу своей постоянной занятости, не имел доступа к светским приемам и развлечениям, где обычно при дворе происходил самый продуктивный обмен мнениями, свежими сплетнями и домыслами, но и он знал уже действительную причину этих слухов о судьбе династии и престола.

Константин Николаевич никогда не ограничивал себя в выражениях и остротах в кругу семьи. Когда-то больше всех доставалось наследнику Саше. Его большой, не по годам, рост, крупное телосложение, несуразные движения и походка, напоминавшая медвежью, являли собой повод для колких шуток со стороны дяди Кости. Теперь Саша, будучи генералом от кавалерии и командующим Петербургским военным округом, возвышался над строем, выделяясь не только ростом, но и осанкой, и поглядывал на дядю несколько свысока, держа в уме все те детские обиды, нанесенные ему пусть в кругу семьи, но все же, прилюдно.

Эти трения, конечно же, не могли остаться незамеченными при дворе, но своё нынешнее развитие интрига получила после того, как Великий князь Константин, пребывая в кругу своей неофициальной семьи, очередной раз пошутил, обратившись к кому-то из своих девочек: «Это кто у нас? А не хотите ли титул Великой княжны?». Фитиль интриги, зажженный невинной на первый взгляд шуткой, быстро выгорал, угрожая взорвать видимость спокойствия в доме Романовых. Скандал не разразился лишь потому, что сам государь Александр II имел вторую семью, и любые нападки на его брата в этом смысле он мог бы принять и на свой счет в том числе.⁹

– В их помутненных желанием выслужиться головах даже не укладывается, что помимо жажды власти могут существовать еще и братская любовь, уважение к семье и установленному порядку вещей. Иной раз я впадаю в отчаяние, от того, что «добрые» сторонние советчики

⁹ Титул Великого князя (княжны) принадлежал членам царской семьи и формально давал право его обладателю претендовать на трон.

имеют на племянника Сашу большее влияние, чем я. Благо, Его Величество имеет трезвый взгляд на вещи и понимает истинное положение дел.¹⁰

Выговорившись, Великий князь несколько успокоился. Из его глаз перестали сыпаться искры, а побелевшие от напряжения костяшки сжатых в кулак рук приобрели естественный оттенок. Лузгин по-прежнему молчал, ожидая, что вот-вот Константин Николаевич перейдет к главной теме разговора, из-за которой он и приказал адъютанту прибыть срочно из Кронштадта.

– Четвертое покушение... Второе за год... Отставим в сторону все эмоции и попытаемся взглянуть на ситуацию трезво, как полагается делать в ситуации сложной, если не критической. Не раз такая концентрация помогала нам разрешить задачи, казалось бы, безнадежные.

Поправив пенсне, Великий князь вернулся к столу, что означало переход к решительным действиям:

– Леонид Павлович, четвертое...

Лузгин понял, что пришла его пора вступить в диалог и от него требовалась оценка ситуации. Именно за способность спокойно и хладнокровно мыслить, быстро приходить к правильным выводам и предлагать решение Великий князь приблизил его к себе настолько, насколько это было возможно. Адъютанта при дворе никогда никто не видел. Он постоянно пропадал на объектах, подведомственных Морскому ведомству, а то и вообще исчезал из поля зрения штабистов и генералов. Только Великий князь всегда в точности знал, где его адъютант в данный момент добывает информацию, выполняет поручения или докапывается до истины.

– Ваше Высочество, всё, что я могу сказать, имея совершенно скудные и недостоверные сведения о вчерашнем происшествии, так это то, что мы столкнулись чем-то новым. Три прежних покушения были совершены из пистолетов. Теперь же – бомба. Стрелок может быть одиночкой, бомбист – никогда. Боюсь предположить, что охота на императора перешла в какую-то качественно новую фазу.

– Значит, думаешь, это всё-таки охота, и Его Величество не ошибается в своих предположениях...

– Я предпочту думать о худшем, чтобы потом ошибиться, Ваше Высочество.

– Здраво мыслите, капитан... – Великий князь достал из верхнего ящика стола синий бархатный платок и принялся тщательно протирать стекла пенсне, проверяя их и без того идеальную прозрачность взглядом под острым углом. В этот момент глаза его прищурились, скулы, скрытые аккуратно подстриженной растительностью, напряглись, и перед адъютантом опять предстал тот смелый, сильный и хитрый лис, с которым он когда-то волею случая познакомился в кабинете русского посла в Берне.

Подмеченной метаморфозой образа своего начальника адъютант остался удовлетворен, ибо подобные его откровения ставили капитана в неловкое положение. Да, с одной стороны, такое доверие, искренность из уст второго по значимости представителя царской семьи почётно и ценно, но с другой – Лузгин предпочёл бы от семейных тайн дома Романовых дистанцироваться, пусть, даже они давно и в подробностях известны всему Зимнему дворцу.

– Каракозов, – адъютант начал свою мысль, не обращая внимания на упражнения Великого князя с протиранием пенсне. Константин Николаевич таким образом часто приводил себя в состояние душевного равновесия, прекрасно понимая, что гнев и волнение – не лучшие советчики при анализе.

– А что Каракозов? – глядя на адъютанта сквозь увеличительные линзы, Великий князь нашел их идеально чистыми и аккуратно отточенным движением водрузил их на положенное место.

¹⁰ Будущий Император Александр III.

– Следствие показало, что одиночка. Его соратники по тайному обществу даже не знали, что он уехал стрелять в царя.

– Абсолютно точно. Повешен, – констатировал Великий князь.

– Березовский.

– Таак... – Константин Николаевич оперся правым локтем на свое кресло, несколько наклонившись вперед, чем выразил живую заинтересованность.

– Абсолютно точно, что одиночка. Кроме того, совершенный дилетант. Нашпиговал пистолет таким зарядом пороха, что себе чуть руку не оторвал. Не припомню, что с ним стало... – Лузгин действительно сейчас излагал мысли спонтанно, в том порядке, в котором они приходили ему в голову, совершенно ещё не понимая, к какому выводу он придет в итоге.

– Судили его по законам Франции, так как преступление случилось в Париже, и мы могли только наблюдать. Отбывает пожизненную каторгу где-то в колонии посередине Тихого океана, – ответил Великий князь.

– Соловьев, – адъютант сделал паузу, напрягая память, несмотря на то, что события, связанные с этим персонажем, произошли лишь в начале этого года. – Тоже одиночка.

– Повешен двадцать восьмого мая. Народу на казни собралось – тьма. Ты в это время в Варшаве был, в отъезде, – Константин Николаевич позвонил в колокольчик и тут же в дверях появился секретарь.

– Подайте чаю нам с капитаном. И лимон отдельно.

– Сей момент, Ваше Высочество. По Вашему распоряжению прибыл генерал-адъютант Дрентельн, прикажете ожидать? – справился секретарь.

– Замечательно. На ловца и зверь бежит. Очень вовремя. Генералу тоже чаю. Он любит без сахара, – скомандовал Великий князь Константин, тут же поприветствовав проследовавшего в кабинет шефа жандармов кивком головы. – Проходите, Александр Романович. Вы, как всегда, вовремя, как при Плевне. А Вы, Леонид Павлович, продолжайте свою мысль, не останавливайтесь.

– Ваше Высочество, я, собственно, закончил. Никого из упомянутых лиц не представляется возможным опросить. Подельников у них тоже нет. Потому мотивы можно анализировать только из материалов дел. Замечу только, что ни Каракозов, уж тем более, ни Березовский, и ни Соловьев никогда бы не выбрали другое оружие для покушения. Они просто бы не справились со взрывным устройством, потому и выбрали пистолет.

– Что же Вы имеете в виду, капитан второго ранга? К какой мысли подводите? – Великий князь в присутствии генерала Дрентельна перешел на тон официальный.

– Ваше Высочество, в данном случае действовал не одиночка. Это была группа. Правда, что совершили подкуп под железнодорожный путь? – вопрос Лузгина был адресован скорее шефу жандармов, присоединившемуся к разговору, чему тот несколько не удивился. О статусе Лузгина в штате адъютантов Великого князя генерал Дрентельн, поставленный на должность начальника Третьего отделения не так давно, был уже слышан, однако, докладывать капитану второго ранга посчитал ниже своего достоинства, в связи с чем встал, и оправив мундир, доложил по старшинству:

– Ваше Высочество! Розыскные мероприятия проводятся. Описание заговорщиков имеется. В поездах и на вокзалах облавы. На трактах тоже проверки.

– И каковы результаты? – глядя поверх пенсне, поинтересовался Великий князь Константин.

– Пока похвастать нечем, Ваше Высочество! – командный голос генерала, всю свою жизнь честно служившего при штабах в армии, внес в диалог какое-то официальное напряжение, совершенно не способствуя размеренному ходу мысли собеседников, понимавших друг друга с полуслова.

– И как же они умудрились подкоп этот устроить? Куда железнодорожная жандармерия смотрела? – Константин Николаевич поймал себя на мысли, что версия Лузгина о множественном количестве заговорщиков уж очень быстро нашла свое подтверждение.

– Купили дом, Ваше Высочество. Копали из подпола.

Был бы Лузгин в другом обществе или в одиночестве, склонившись, как он это любил, над листом бумаги при свете свечи с пером в руке, скорее всего, он присвистнул бы от удивления, узнав такую подробность – купили дом. Трое ранее покушавшихся на жизнь государя денег на толковое оружие не смогли наскрести.

Не менее удивленным выглядел и сам Великий князь Константин. Взяв паузу на раздумье, он жестом попросил шефа жандармов сесть. Высокая фигура генерала, убеленного благородной сединой, вносила в камерный полумрак кабинета какое-то необъяснимое беспокойство и мешала думать над следующими практическими шагами.

– Вы, Лузгин, конечно же, не знали, что действует группа? – обратился хозяин кабинета к своему адъютанту.

– Никак нет, Ваше Высочество.

– Дрентельн... Мой адъютант, капитан второго ранга Лузгин с этой минуты прикомандирован к Третьему отделению для принятия в полном объеме мер по расследованию этого прескверного происшествия. Без содержания. Отчитываться Лузгин будет лично мне, уж не обессудьте.

И генерал, и капитан второго ранга стояли по стойке «смирно», понимая, что приказ подлежит немедленному исполнению.

– Вас, генерал, попрошу ввести адъютанта в курс дела, дать доступ к любым архивам и бумагам, а также к месту преступления. Капитан второго ранга имеет полномочия испрашивать отчетности у всех ваших подчиненных.

Генерал, обескураженный таким поворотом событий, всё же отличался военной дисциплиной и ни одним мускулом своего лица ни расстройством, ни, уж тем более, досады, не выказал.

– Вам, капитан второго ранга Лузгин, приказываю скорейшим образом приступить к выяснению обстоятельств дела, чтобы в дальнейшем иметь возможность работать в одной упряжке с Третьим отделением. Вопросы есть?

– Никак нет, Ваше Высочество! Одно только прошу. О полученном приказе обязан доложить Его Величеству! Прошу понять меня правильно... – ответил Дрентельн.

– Прошу разрешить оставить мундир на время следствия, – спокойным голосом изложил свой вопрос адъютант, что Дрентельн оценил должным образом – при погонах в этой связке тогда оставался только он, что выглядело уже не так унижительно.

Великий князь кивнул в знак согласия и позволил офицерам приступить к делу:

– О малейшем продвижении в ходе дела докладывать немедля. Исполняйте.

Лакей, показавшийся в дверях с подносом, полным чайных кружечек на блюдцах, вынужден был проявить чудеса ловкости, чтобы не уронить драгоценный сервиз тончайшего фарфора в тот момент, когда генерал-адъютант Дрентельн ринулся прочь из кабинета.

Глава IV
Открытия

23 ноября 1879 г. Москва.

Благовест Андроникова монастыря призвал к началу воскресного богослужения, пробиваясь сквозь густой утренний туман, делавший звон особенно гулким, сочным и протянутым.¹¹

Лузгин и оба его сопровождающих, аккуратно пробираясь по краю разбитой узкими колесами телег дороги, пытались не вступить в покрывшуюся за ночь тонкой коркой льда грязную жижу. Карета их села осью на колею почти за версту отсюда и чертыхающийся кучер объявил своим важным пассажирам, что дальше кобыла не потянет, так что, господа хорошие, придется вам своим ходом добираться.

– Отродье это другого места и не могло выбрать, – перекрестившись в сторону монастырской колокольни, городской Палпалыч прошептал «прости господи» и перепрыгнул через подмерзшую сточную канаву, будто и не было тех трех десятков лет на государевой службе. Добавить цель визита.

Миновав несколько сгоревших дворов, от которых остались только каменные печные трубы, да горы почти полностью обугленных бревен, Лузгин и его спутники дошли до калитки, сбитой из грубо отесанной доски со щелями в два пальца.

– И действительно, странный выбор – поселиться среди пожарищ, – заметил адъютант, оглядывая окрестности поверх редкого и покосившегося от времени забора.

– Так они, Вашблагородь, в сентябре заехали. Тогда еще все цело было. Пожар потом случился. После него Потаповы съехали к кумовьям до весны, Тереховы, так те в Смоленск подались к матушке, а эти остались тут одни, так выходит...

Палпалыч, информированный начальством о том, что к ним приехала из Петербурга большая шишка для инспекции логова заговорщиков, посчитал необходимым обращаться к Лузгину с почетом, не смотря на то, что чина его толком не знал и о звании не ведал. Опытный взгляд городского сразу приметил в этом гражданском типе военную выправку, которую ни под каким шелковым цилиндром или распашным плащом не скроешь.

Бревенчатый дом, судя по темно-серому цвету потрескавшегося местами дерева, имел многолетнюю историю, но ничем, пожалуй, не выделялся из ряда остальных, уцелевших после пожара на улице, разве что, мезонином, обращенным в сторону железнодорожного полотна, проходившего от дома саженьях, может, в двадцати или тридцати.

– Стояять... – через шесть секунд после громкого скрипа проржавевших петель калитки из-за угла дома появилась голова жандарма, чуть ниже которой красноречиво выглядывал ствол револьвера.

– Очумел, Кирпичев? Свои, не видишь, что ли? – Палпалыч шагнул в сторону из-за спины Лузгина, шедшего первым. – Где товарищ твой?

– В чулане, прикрывает. Нам в дом запрещено, – вытянувшись в струну, ответил жандарм, после чего в пол оборота громко крикнул куда-то назад, – Корнеев, это свои!

– Оставили засаду на всякий случай. Понимаю, что шансы мизерные, но вдруг кто-то появится... – в разговор вступил второй спутник адъютанта, чиновник третьей экспедиции Третьего отделения Собственной Его Величества канцелярии, Георгий Саввич Еремин.

Будучи возрастом лет около двадцати пяти, молодой сотрудник, отправленный на осмотр вместе с Лузгиным, всячески старался казаться старше. Тому способствовали не дешевый котелок на английский манер, белоснежная рубашка, воротник которой был закрыт аккуратно повязанным клетчатым шелковым платком и трость с ручкой слоновой кости в виде головы медведя. Густые брови и не по годам пышные усы, лихо подкрученные кончиками вверх, мощная фактура и строгий взгляд вместе со всем этим изысканным гардеробом действительно добавляли Георгию Саввичу десяток лет.

¹¹ Благовест – колокольный звон к началу воскресной молитвы.

Лузгин, опираясь на свой метод исследования типажей, определил Еремина как человека грамотного, но недостаточно опытного. Именно недостаток опыта Георгий Саввич пытался компенсировать рвением к работе, любознательностью и трудолюбием.

– Вполне резонно... – отметил вслух Лузгин, обратив свое внимание на проломы в заборе, сквозь которые и внутренний двор за домом, и вход в сарай хорошо просматривались с дороги.

– Скажите, Павел Павлович, а что за пожар случился? – Лузгина не оставляло любопытство по поводу увиденных по соседству пепелищ.

– Да что могу доложить... – городской многозначительно потрогал свой массивный подбородок, после чего продолжил. – Гореть начало у Терехова. Никто не скажет, почему. Может, печь. Домина их старая, еще дед ставил. Польшнуло, да и через минут десять уже тушить было бесполезно. А ветер поднялся, дело к вечеру шло, тучи натянуло, но так и не пролилось ни капли. Только раздуло больше. В эту сторону дуло. Потом народ выбежал, кто с ведрами, кто с лопатами... И дом Потаповых не уберегли. Погорели. Благо, успели детей малых вывести, да сами спаслись.

– А что же их новые соседи, не побежали тушить? – Лузгин кивком головы указал в сторону уцелевшего дома с мезонином.

– Да нет, хозяйка вроде как, одна была.

– Мария Семеновна Сухорукова? – скорее констатировал, чем спрашивал адъютант.

– Так точно, Вашблагородь... Мужа её как звали, точно никто и не припомнил, на Сухорукова отзывался.

– Ну, ну... И что же было дальше?

– А как поняли, что Потаповский дом не спасти, так стали Сухоруковский забор поливать, да стену, что на ту сторону стоит, а эта Марья выскочила, будто умалишенная, волосы растрепанные, глазищи бешеные, фартук измазан, руки чуть не по локоть в муке, да как заорёт – уйдите, мол, люди! Те сначала подумали, что новые соседи из староверов, но нет. Она в дом убежала, потом вернулась быстро, а в руках икона православная. Прислонила её она перед собой, вот так...

Палпалыч, театрально приподняв подбородок, изобразил мещанку Сухорукову с образом, прижатым к груди:

– Ага... И прямо пошла на огонь, на людей с ведрами. И кричит им, мол, на всё воля Божья, не тронет нас огонь, нас молитва бережет. Люди говорят, вид у нее был – будто юрдивая. Ан, нет... Так и простояла, пока у соседей пожар не затух почти.

– Интересно. И что, никто толком ее не запомнил? – Лузгина интересовали подробности.

– Да чего там, разве когда пожар, станет кто деваху какую-то разглядывать? Ну, говорят, росточком мала, будто дитё, лицо милое, но говор деревенский, может из псковских. А так – ну баба и баба.

– Георгий Саввич, что скажете? – обратился к Еремину капитан.

Чиновник Третьего отделения, пожав плечами, подтвердил правоту городского:

– Действительно, ничего примечательного. Сухоруковы вели замкнутый образ жизни, гостей к себе не ждали, сами тоже не напрашивались. В церкви их не встречали, в лавках ближайших не видели. Вот этот эпизод, когда она от пожара дом свой спасла, можно считать единственным, когда на людях надолго появилась. Детишек у Сухоруковых тоже не замечено, так что...

– Не густо, прямо скажем... Георгий Саввич, прошу вас, – Лузгин, сорвав печать со входной двери, пропустил вперед Еремина, и жестом приказал Палпалычу оставаться снаружи, чему тот в принципе даже обрадовался. Меньше вопросов – меньше неприятностей, уж очень большое опасение у него вызывал этот штатский, задававший вопросы кратко, четко, при этом глядя прямо в глаза, не оставляя шансов малейшему лукавству. Есть большое начальство, пусть

разбираются. Его, Палпалыча дело – к месту провести, дом показать, о случившемся доложить, а вот на эти все заковыристые вопросы пусть Еремин отвечает. Ему еще долго служить, молодой еще.

В сенях, где среди прочего хлама адъютант заметил измазанные засохшей грязью глинистого цвета сапоги, стоял неприятный и затхлый запах, означавший, что дверь отворяли нечасто, и подвальная влага заполнила все пространство дома. Еремин, несколько не смутившись, отодвинул занавеску, чтобы проследовать внутрь – их с Лузгиным интерес находился там, в подвале, откуда этот сырой запах и шёл, но, спустя полминуты, заметив, что прикомандированный штатский отстал, сыщик Третьего отделения вернулся и застал следующую картину.

Аккуратно взявшись за голенище сапога левой рукой в желтой кожаной перчатке, «ваш-благородь» рассматривал подошву, после чего приставил сапог к своей туфле, оценивая разницу в размере:

– А муж этой Марии Семеновны, он крупный был?

– По описаниям соседей, так не выше вас, Леонид Павлович. Пожалуй, такого же роста. И шрамы у него на шее.

– Шрамы? Нож, петля? – Лузгин, аккуратно опустил сапог на место, продолжая осматриваться.

– Да нет. Такие, будто от ожогов, будто горящей папиросой пытали.

– Интересно. Наши персонажи становятся все более загадочными, – Адъютант отряхнул перчатки и проследовал в комнату.

– Люди сказывают, будто хозяин в шарфе и в сентябре ходил. Но, заметили всё же. Выселки, они как деревня, тут скрыться от людского глаза невозможно.

Сыщик, разглядывая помещение, откровенно скучал, всем своим видом показывая, что здесь все в мелочах осмотрено, исследовано и описано.

– Скажите, милейший Георгий Саввич, а людской глаз за все это время больше никого не заметил во дворе гостеприимной мещанки Сухоруковой?

– Никак нет-с. Не заметили.

– Смотрите, друг мой... – в словах Лузгина сквозила некая необъяснимая отцовская теплота и забота, ничего не имевшая с привычным для капитана издевательским тоном, который он использовал в общении с недалекими служаками и самонадеянными карьеристами. Этот молодой человек, что докладывал ему о проделанном расследовании, делал это с огнем в глазах, чем вызвал искреннее уважение капитана. При этом адъютант отдельно заметил для себя, что начинающий сыщик отчитывался за других, так как генерал Дрентельн считал нужным послать с Лузгиным не дознавателей, что руководили осмотром дома в первые часы после происшествия, а самого молодого сотрудника, служившего всего вторую неделю.

– Палпалыч ростом на пядь выше меня. Откинем предрассудки по поводу широкой кости, попытаемся оценить факты.¹²

Заинтересованно глядя на своего нового сослуживца, молодой человек достал папиросу и потянулся за спичками.

– Не нужно, Георгий Саввич. Покурите на улице. Позвольте мне подышать тем же воздухом, что и наши персонажи.

Еремин за короткое время своей службы в Третьем отделении успел свыкнуться с лексиконом специалистов, там работавших. Объектами внимания политического сыска считались преступники, арестанты, отступники, демоны, шаромыги, политические, сволота, кто угодно, но не персонажи. Персонаж – человек сюжета. Он его постоянная составляющая, константа, вокруг которой вертится вся интрига и замысловатый сценарий. Это слово Еремин услышал

¹² Пядь = 17,78 см.

от Леонида Павловича уже второй раз за короткий промежуток времени, что означало лишь одно – новый сыщик, откомандированный им в помощь (так сказал генерал), мыслит иначе. Он не охотник. Он участвует в представлении в роли зрителя. Любой ушлый критик уступил бы в дотошности и скрупулезности этому зрителю.

«Интересно было бы глянуть, осыплется ли с нашего зрителя театральная лоск, когда представление переместится в партер...» – Георгий Саввич молча и без возражений воспринял замечание, позволив Лузгину играть сегодня первую скрипку. В конце концов, молодой сыщик столкнулся с неизвестной ему до сих пор манерой поведения и расследования, о которой не веяло плесенью близких к отставке по выслуге лет жандармов, филеров и следователей, слывших авторитетами третьей экспедиции, ведавшей политическими делами, разного рода сомнительными происшествиями, в том числе, на железных дорогах.

– У городского сапог больше моей туфли ровно настолько же, – Лузгин показал разницу в размере, приложив большой палец ко второй фаланге указательного. – А Сухоруков такого же роста как я. Не складывается. Имеем уже троих.

Молча кивнув, Еремин понял, что попал не на рутинную инспекцию, а на второй акт расследования. Никто из его коллег на эту подробность ранее внимания не обратил.

– Чего я голову ломаю? – Лузгин проследовал к буфету, где за створками, изнутри прикрытыми шторками с рюшами, аккуратной стопкой была сложена посуда. В стопке стояло десять глиняных мисок и столько же кружек.

– Десять? – искренне удивился Еремин.

– Ну, допустим, это не еще каземат, где число кружек равно количеству арестантов, но для двух супругов многовато, не находите?

– Соглашусь, Леонид Павлович. Минимум пятеро их должно было быть.

– Пятеро, это если они здесь постоянно находились. Могли быть и пришлые. Супругов откинем. Они, конечно, в подкопе не участвовали. Их миссия – прикрывать наверху, отводить подозрения и создавать видимость семейной идиллии. Давайте спустимся в подвал и оценим, насколько справедливы наши предположения. Судя по тому, что я увидел в огороде – работа проделана титаническая.

– А что в огороде вас заинтересовало? – Еремин напрочь забыл о папиросах.

– Конечно, нужно было бы куда-то девать выбранную землю. Предвижу, что в подполе увижу полноценную выработку, а не кротовую нору. По мере продвижения они раскидывали грунт вокруг дома. Никаких следов сельскохозяйственной деятельности. Забор покопился, ставни не крашены, скотины нет. У меня вопрос – где прошлогодняя полова? Уж не имеет смысла говорить о тропинках. Они похоронены под равномерным слоем земли, которая, кстати, существенно отличается цветом от той, что на соседских огородах. Я тут прикинул... Получается, что если я не ошибся в расстоянии до железнодорожного пути, и штрек достаточно расширить для одного, пусть даже, широкоплечего мужчины, конечно же, далеко не в полный его рост, то высота выработки должна быть не менее, чем вершков двадцать.

Еремин посчитал нужным не выказывать своего удивления, но тот факт, что за несколько минут пребывания на подворье Лузгин практически верно рассчитал высоту подземного коридора, вызвал его искренне восхищение.

– Что такое штрек? – все же лицо сыщика невольно выдало его последнюю эмоцию, и он замаскировал свою минутную слабость, задав вопрос, на который он действительно не знал ответа.

– Георгий Саввич, у шахтеров так называется горизонтальная выработка, которая не имеет прямого выхода на поверхность. Ведь подкоп начинается в подвале?

– Абсолютно верно, господин Лузгин. Откуда же вам известны такие подробности горного дела? До сих пор я считал, что мы с вами коллеги по ремеслу, а теперь уж, и не знаю, что думать...

– Имел возможность много лет назад изучить подробности металлургического производства, а в тех местах и горняки живут. Они там вообще одним делом занимаются.

– Преинтереснейше. Наш старший дознаватель в отчете писал, что обнаружен тоннель, – подробности терминологии вызвали живой интерес у молодого человека.

– Абсолютно неверное утверждение в части определения термина «тоннель». Прими- тивно рассуждая, стоя в одном его конце, можно увидеть свет с другой его стороны. Кстати, с тоннелями мне тоже приходилось иметь дело, по крайней мере, с их схемами и чертежами, – усмехнулся Лузгин. – А если начало под землей, то это сооружение правильно называть штре- ком. Давайте же убедимся воочию, мне не терпится!

Лузгин, совершенно не опасаясь испачкаться, взялся за кованое кольцо, лежавшее в углу на половых досках, и потянул за него. Петли не издали ни звука – землекопы обильно их смазали маслом. Под довольно тяжелой крышкой был полосой по периметру набит войлок – это позволяло захлопнуть люк практически бесшумно. Получив доступ к довольно широкой и основательно сбитой лестнице, обильно испачканной отпечатками грязных сапог, исследо- ватель попросил своего молодого помощника зажечь свечу и осветить.

– Тут есть керосиновая лампа, – Георгий Саввич проникся методикой Лузгина и уже весь был в его распоряжении.

– Нет, попрошу вас, коллега... Вы видели здесь свечу? Она вон там, в углу стола стоит.

Потрудившись сделать несколько шагов, Еремин подал спустившемуся на несколько сту- пеней Лузгину подсвечник. После того, как его новый напарник исчез внизу, и от него осталась только тень, уж было собиравшийся проследовать следом, сыскарь услышал громкий вопрос из подвала: «Георгий Саввич! А вы дверь за собой плотно закрыли?».

Третьего дня Еремин присутствовал при скучном осмотре, где дознаватели не имели ни малейшего желания испачкать ни обувь, ни сюртуки. Никаких подобных вопросов не возни- кало. Сначала внутрь вломились полицейские, которые наследили, перевернули верх дном весь дом и чулан, после чего только был обнаружен лаз в подвал. Туда спускались по одному, и воз- вращались, восхищенно прицокивая языком. Старший дознаватель записал обмеры, составил протокол обыска, после чего, собственно, первичный осмотр был окончен. Зачем Лузгину эта дверь?

Вернувшись ко входу, Еремин тщательно закрыл и входную дверь, и вторую, что вела из сеней в комнаты.

– А что, открыто было?

– Так точно, немного открыто.

– И вы закрыли, коллега? Отлично. Значит, за этими досками больше ничего не скрыто. Уже спустившийся вниз Еремин застал Лузгина за ощупыванием дерева, которыми были обиты стены.

– Знаете ли, вне зависимости от положения двери, пламя свечи не колыхалось. Движение воздуха отсутствует, значит, другого сообщения с поверхностью здесь нет.

– Какой смысл делать еще один ход для сообщения с поверхностью, если их целью было добраться до пути? – изумился младший дознаватель.

– Немного не грамотно. Если вы работаете под землей, то нужен свет. Это может быть либо обычная керосинка, либо свеча. Вы видели в наличии, либо в протоколе емкость из-под керосина?

– Никак нет...

– И я не припоминаю, но подсвечников, облитых воском, я заметил четыре. Пусть один проходит...

Заметив недоуменный взгляд своего молодого ученика (именно так теперь капитан вос- принимал своего благодарного слушателя), Лузгин уточнил:

– Проходит, этот копает впереди всех. Там только один поместится.

– Так точно...

– Другой подтаскивает выработанный грунт. В это время тот, что копал, отдыхает, а двое потом поднимают наверх. Видели, ступени ведрами побиты? Пока эти двое поднимут, первый уже роет опять, ну или наступает для второго очередь копать. Так думаю...

– А что не грамотно?

– Вентиляции нет. Нужен был вентиляционный канал. Хотя бы за счет естественной тяги. И свечи бы горели ярче и дольше. Дышать было бы легче. Думаю, если бы они догадались о вентиляции, исполнили бы свой замысел быстрее.

– И какой из этого вывод? – спросил Еремин.

– Да никакого. Просто, наблюдения и мысли вслух. Если бы я нашел вентиляцию, то завтра, первым делом, занялся бы вашей клиентурой в Горном департаменте, а так, время сэкономили. Персонажи наши в горном деле дилетанты и действовали по наитию.

– Неожиданное умозаключение, – констатировал Георгий Саввич. Должен заметить, что у меня с каждым часом нашего знакомства возникает все больше вопросов. Ваш уклад мышления нетипичен для моих коллег, ваш способ изъясняться вызывает искренний интерес, ваше умение обращать внимание на мелкие подробности заражает желанием учиться. Кто вы, Леонид Павлович? Уж было подумал, что горный инженер, но выправка, какова выправка!

– Какие будут версии? – улыбка обнажила в колыхающемся пламени свечи белые зубы Лузгина, не испорченные табачным дымом.

– Я понял... Ответа не будет. Что ж... Оставляю за собой право догадываться самостоятельно. Прошу проследовать. Ваше любопытство сейчас же будет удовлетворено, – Еремин, взявшись двумя руками за деревянный щит, прикрывавший начало штрека, отодвинул его вправо. – Конечно, после взрыва это приспособление улетело к противоположной стене. Заговорщики учли, что взрывная волна распространится в сторону дома по...

– Штреку, – подсказал Лузгин.

– Так точно. И привалили его изнутри.

Сделав несколько шагов назад, Еремин указал на выбоины в побеленной подвальной стене, оставшиеся после прилета импровизированной деревянной перегородки.

– Браво, коллега. Вы выгодно отличаетесь цепкостью взгляда от своих престарелых коллег. Посветите, пожалуйста...

Еремин, протянув руку с подсвечником, похожим на маленькую кружку с ручкой, осветил начало штрека.

Медленно отмеряя шаги, Лузгин осматривался, оценивая мастерство копателей. Вне всякого сомнения, они двигались опытным путем. Начало выработки имело в разрезе прямоугольную форму, но вскоре, буквально спустя одну сажень, прямоугольник сменился на трапецию, позволявшую передвигаться среднего роста мужчине, очень сильно пригнув голову. Стены и потолок выработки обивались грубыми досками, сколоченными поперек, что не позволяло допустить осыпания.

Экскурсия по шахте была не долгой. Буквально через десяток саженей тусклое пламя свечи, страдающее от недостатка кислорода, все же позволило осмотреть завал, образовавшийся после взрыва. Из стены породы, схожей цветом с той, что разбросана на поверхности, ошестинившись, словно на баррикаде, торчали обломки досок.

– Больше здесь делать нечего. Я бы хотел подняться наверх, – Лузгин, пригнувшись, развернулся в обратную сторону.

– Каковы ваши выводы? – Еремин, задув свечу, указал путь на чердак.

– Да нет выводов. Все что считал нужным, я уже произнес. Видите ли, друг мой, выводы можно делать, владея лишь полноценной картиной. Сейчас я могу только догадываться, а это подразумевает большой процент погрешности. Давайте посмотрим мезонин, – все попытки

Георгий Саввича разговорить, без сомнения, интересного собеседника, натыкались на некую стену. – Вы не припомните, с какой скоростью паровоз движется на подходе к мосту?

Адъютант, почти по пояс высунувшись в маленькое окно мезонина, пытался оценить перспективу, глядя на путь Курско – Московской железной дороги.

– Что вы, Леонид Павлович, мне лестно, конечно, но за этой справкой следует обратиться в дистанцию пути.

– Вооот... Ну, а если взять и поразмыслить, и не ждать справку еще две недели? – уколол Лузгин.

– Нет ответа, – Ермин без зазрения совести сдался.

– Да нам это не важно, Георгий Саввич! – рассмеялся Лузгин. Вон, справа мост через Язу. Как бы паровоз не гнал, он всегда перед мостом снизит скорость, а видимость пути из этого окна, как вы можете заметить, очень далека. Так что, человек, обладающий хоть какой-то остротой зрения, без труда оценит ситуацию и правильно даст команду замкнуть провода взрывателя. Вы видели провода в штреке?

– Неет... – Ермин, глядя на «горного инженера» сквозь круглые стекла своих очков, искренне расстроился.

– Я тоже. Может, оборвали, я не знаю. Откопаем – посмотрим. Уверен, взрыватель приводился в действие электричеством. Никакие капсулы и химические фокусы на таком расстоянии результата не дадут. А уж, бикфордов шнур, так и подавно. Представьте: вы, Георгий Саввич, восседаете на чердаке...

Ермин, загоревшийся теми же зрительными образами, что и Лузгин, бесцеремонно отодвинул его от окна и принялся вглядываться в туман.

– Так вот, Георгий Саввич, справа идет состав. Пусть даже вы каким – то образом понимаете, в каком вагоне ваша цель. Как вы сообщите вниз, взрывнику?

– Только крикну.

– У вас на подачу команды зазор от трех до пяти секунд. А это – два вагона, даже если поезд сбавил ход.

– Отлично! То есть, шансов было не так уж много?

– Георгий Саввич, шансов вообще не было. Императорский состав пошел первым от самого Мелитополя. А информатор заговорщиков сообщил им, что император едет во втором поезде в четвертом вагоне.

Лузгин, запустив руку во внутренний карман, извлек бумагу, сложенную вчетверо. Тряхнув ее рукой, он передал телеграмму Еремину.

«Пшеница тут стбит по два рубля, мы продаем по четыре» – вслух зачитал стажер.

– Государь должен был ехать во втором поезде, в четвертом вагоне.

– Поразительно... Это настоящий заговор... – молодой человек платком промокнул внезапно покрывшийся каплями пота лоб.

– Мне приятно работать с умными людьми, Георгий Саввич. Итого, имеем что? Сколько их было?

– Здесь минимум, шестеро, и еще сообщник в...

– Симферополе. Телеграмма на этот адрес была отправлена оттуда. Имя отправителя вымышлено, конечно, но получатель – Сухорукова. Итого, шестерых персонажей мы уже видим.

– Примите мое восхищение. Леонид Павлович... – Ермин спрятал платок. – Вы не горный инженер. Как я могу к вам обращаться? Не ставьте меня в неловкое положение.

– Пусть я буду для вас капитаном. Ваши предположения имеют под собой основания. Горное и металлургическое дело я изучал факультативно, по мере необходимости. Учителя, кстати, у меня были замечательные!

– С вами приятно иметь дело. До сих пор бумаги, рапорты делали мою работу невыносимо скучной.

– Рад подкинуть вам еще развлечений, Георгий Саввич! – Лузгин подставил на место табурет, который он отодвинул перед тем, как выглянуть в окно. – Он же здесь стоял? Ваш старший дознаватель ничего не двигал?

– Никак нет, Леонид Павлович...

– Какого роста должен быть человек, который становится на табурет, чтобы дотянуться до окна?

Еремин оценил высоту от пола до оконного проема, затем приставил под него табурет.

– Немногим выше детского. Вершка на два ниже вас, господин капитан...

– С таким ростом, либо в штреке копать, либо с табурета выглядывать в окно. Я выбираю второе, вы как?

– Я соглашусь, конечно... По описанию соседей имеем показания, что Мария Семёновна Сухорукова была роста необычно малого.

– Отлично. Мы с вами уже начали разбирать роли и находить некоторые соответствия между персонажами и актерами. Меня еще кое-что раздражает... Там, внизу, белое пятно глаз режет. Давайте спустимся.

Увлеченный представлением, участником которого он стал, Еремин поторопился спуститься вниз вслед за Лузгиным, приметив в окне Палпалыча, курившего на улице папиросу так же, как и при первом досмотре.

Посчитав, что ему уже нужно принимать активное участие в досмотре, Еремин бодрым шагом ступил на лестницу, но, преодолев пару скрипучих и старых ступеней, остановился, чтобы присмотреться к обстановке.

Перила, со временем отполированные ладонями прежних хозяев, возрастом дерева приблизительно соответствовали почти всем предметам интерьера. Старый сундук, переживший, судя по всему, не одну хозяйку, покоился между входной дверью и печью, продавив за многие годы половые доски, а щеколда его, побитая волдырями ржавчины, казалось, помнила языки пламени пожара 1812 года.

Оконные рамы, изнутри тщательно оскобленные стеклом, плотно прилегали друг к другу, но давно не открывались – изнутри даже не нашлось ручек. Очевидно, что новые постояльцы, захватившие осенью, берегли тепло, а прежняя хозяйка (мещанка в возрасте) берегла от сквозняков поясицу.

Большой стол из грубо отесанной, сучковатой доски при взгляде сверху производил впечатление лакированного, настолько гладкой была его поверхность, пропитанная пятнами от пици и натертая холщовыми рукавами многих поколений.

Ровесниками стола можно было считать и обе лавки, ножки которых на углах своих от времени скруглились – скорее всего, детвора, пока не видят старшие, как обычно, частенько любила на них раскачиваться.

Печь, видевшая побелку несколько лет назад, была сложена добротнo, но имела явные признаки разрушения – несколько трещин змейкой расползались у ее основания, возле подпечья.

Красный угол, по традиции расположенный по диагонали от печи на восточной стороне дома, тоже имел все признаки долголетия. Полочка, на которой аккуратно были выставлены лики Спасителя, Богородицы и святителя Николая, крепилась к стене много лет назад – следы побелки впитались в дерево по краю многими слоями.

Деревянный пол, вытоптаный у порога, возле печи и под столом, похоже, и вовсе ни разу не менялся. Его лишь шлифовали, придавая сухому дереву естественный оттенок, а помещению – большую свежесть.

Рассматривая серый от грязи, нанесенной из подвала, пол, Еремин зацепился взглядом за вызывающе светлое пятно. Под правую переднюю ножку этажерки, явно отличавшуюся длиной от остальных трех, была подложена сложенная в несколько раз картонка, дразнящая взгляд своей чистой белизной.

Лузгин едва поспел за своим расторопным коллегой, по дороге кинув взгляд на соседний с этажеркой подоконник, где на фоне нетронутой пыли в дневном свете отчетливо виднелся круглый отпечаток дна банки.

Еремин с победным возгласом: «Вот она!» нагнулся к полу и выдернул из-под ножки необычно белую, совершенно не испачканную в отличие от остального пола картонку, свернутую вчетверо.

Взгляд Лузгина тут же зацепился взглядом за стеклянную банку, стоящую на самой последней полке в углу.

Вытащив картонную подкладку, Еремин нарушил хрупкое равновесие конструкции: верхние крепления легко отошли от стены, этажерка под весом банки, заполненной какой-то прозрачной массой, начала падать.

– Эх! – громкий крик сбоку заставил стажера вздрогнуть.

Лузгин, подпрыгнув, схватил банку, которая, медленно наклонившись вместе с полкой, уже стала валиться на голову Георгия Саввича, после чего оставил ему самому возможность испытать на себе все прелести общения с неустойчивой мебелью. Этажерка, лишь для вида прикрепленная к стене, обрушилась на рефлекторно присевшего стажера, издавая пренеприятный треск и грохот.

– И что же там написано? – Лузгин держал банку на вытянутых руках, немного над собой, замерев в том положении, в котором он её поймал.

Не издавая ни звука, стажер расправил спину, подавив в себе желание взвыть от боли – гвоздь таки распорол ему бок вместе с новым пальто, которое наемдни матушка подарила ему на день рождения.

Картонка представляла из себя сложенную в четверо крышку от коробки эклеров «Трюдо», с обратной стороны которой размашистым почерком был написан некий текст.

– Как думаете, Георгий Саввич, эклеры входили в меню псковской мещанки, что проживает в такой нужде? Огласите, коллега, это нам с вами записка... – по-прежнему, держа на вытянутых руках банку с прозрачной, желтоватой и немного вязкой жидкостью, Лузгин заинтересованно заглядывал в картонку, исписанную карандашом.

Еремин громко и четко продекламировал содержимое записки: «Прочёл? Наши аплодисменты. До встречи», после чего вопросительно взглянул на капитана.

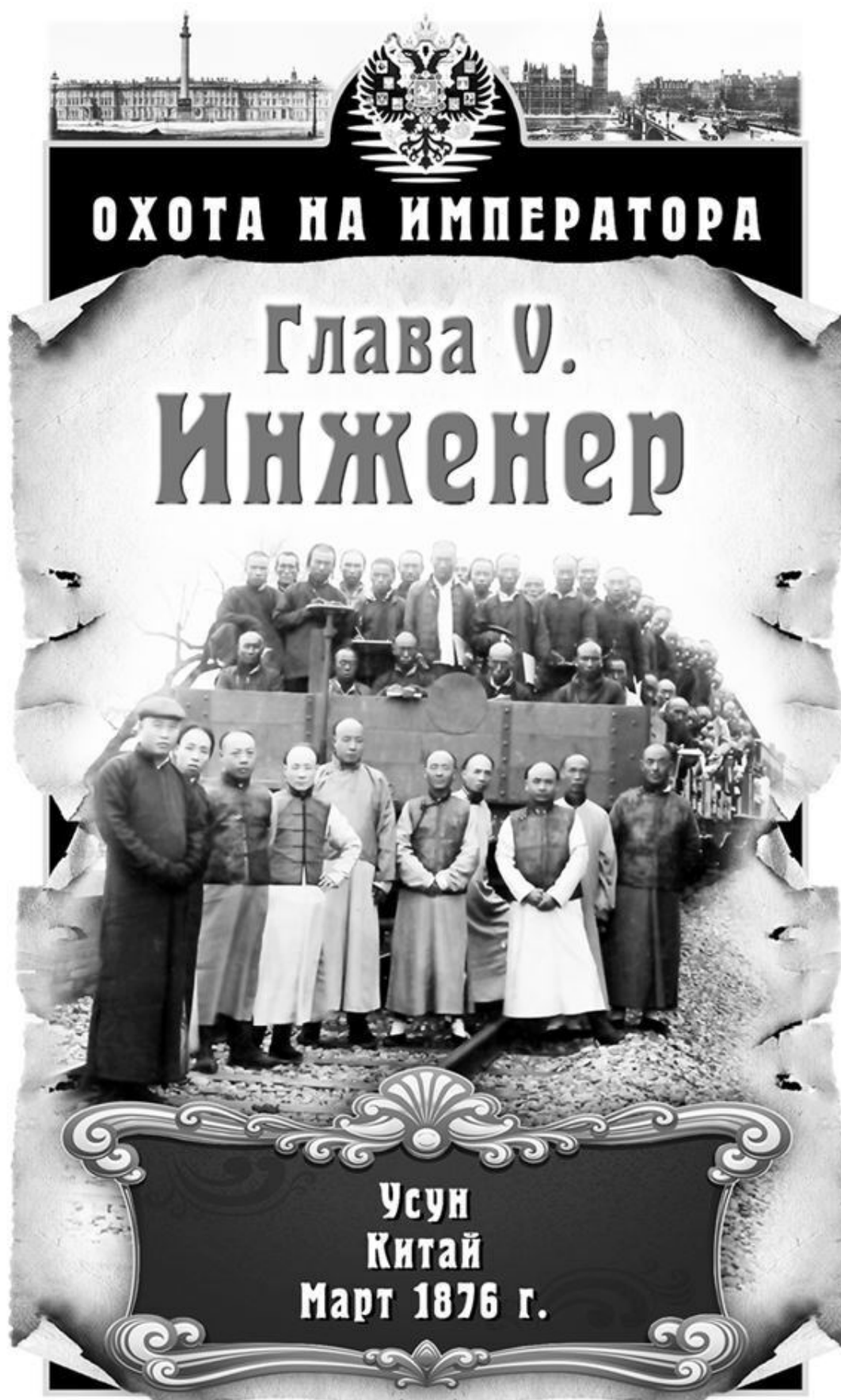
– Вот видите, Георгий Саввич, в нашем деле требуется осторожность, – Лузгин поднял банку так, чтобы рассмотреть доньшко, покрытое по всей окружности рифленным рисунком. Такой же рисунок отпечатка виднелся на подоконнике – банка долгое время стояла именно там. Еремин сообразил это моментально, только капитан глянул в ту сторону. Лузгин аккуратно поставил банку на пол, после нагнулся, чтобы уловить запах.

– Холодно. Слишком холодно, не пахнет, – Лузгин коснулся поверхности маслянистой жидкости мизинцем, после чего решил её попробовать.

Моментально ощутив жгучий вкус, капитан, глядя на своего нового напарника, бесстрастно констатировал:

– Наша барышня любит не только эклеры... Это нитроглицерин.

Глава V
Инженер

Ретроспектива. Март 1876 г. Усун. Китай.

– Алекс! Чёрт возьми! У меня больше не осталось терпения! – Генри Харрис в порыве злости сорвал с себя кепи и с силой его бросил оземь.

На фоне восходящего солнца, только что заботливо бросившего свои лучи на громадные прямоугольники рисовых полей, расчерченных прямыми линиями грунтовых дорог, долговязая фигура худого англичанина отбрасывала неестественно длинную тень.

Низкий звук умирающего парового механизма, что использовался для перемещения породы и колотого камня, возвестил об остановке работ по возведению насыпи под железнодорожный путь. С каждой минутой простоя невиданной, дышащей паром, скрежечущей металлическими членами машины, лицо Генри Харриса становилось все мрачнее. Сзади прокладчики пути приблизились уже ближе, чем на милю. Караван буйволов, запряженных одноосными тележками, равномерной цепью тянулся в сторону, откуда возили камень. Насыпь, в которую погонщики скидывали груз, грозила через пару часов превратиться в громадную гору.

– Мистер Харрис, дайте мне тридцать минут и не останавливайте волов... – русский инженер, к которому гневно обратился Генри, не имел ни малейшего отношения, ни к работоспособности парового механизма, ни к организации работ.

Смотритель Харрис получил две недели назад от совета директоров компании «Jardine Matheson & Co» чрезвычайные полномочия в части руководства строительством во имя достижения поставленной цели. На 30 июня уже были запланированы торжества по поводу запуска первой в Китае железной дороги, связывающей Шанхай и Усун.

Всего-то шестнадцать миль, но они были первыми в истории этой страны. На прохождение оставшихся трех миль у Харриса оставалось немногим более месяца. На кону стояла его репутация и карьера, над которыми он сам бился многие годы, несмотря на возможность воспользоваться покровительством дядюшки, занимавшего в Лондоне высокий пост.

– Well, Alex... – почему-то Генри интуитивно доверял этому странному русскому, появившемуся в конторе почти год назад.¹³

Тогда соискатель должности инженера-геодезиста, представившийся Алексеем Буржановским, вид имел совершенно не презентабельный. Осунувшееся, сероватого оттенка лицо, потертое на лацканах пальто и, поношенное кепи английского типа. Поначалу странного русского никто всерьез не воспринял – острого недостатка в кадрах компания не испытывала. Лишь после того, как он в присутствии кого-то из канцелярии почти непринужденно заговорил с уборщиком по-китайски, его, предварительно убедившись в квалификации, определили в геодезическую службу. Длинную фамилию и непривычное имя клерки сократили до «Алекс Бурдж», что полностью устроило и даже порадовало нового сотрудника, полностью отдавшегося новой работе и борьбе с мошкой, в изобилии водившейся в это время года на рисовых полях в дельте великой «Длинной реки» – Янцзы.

Не злоупотребляя терпением своего супервайзера, Алекс, быстро спустился с насыпи, и, перепрыгивая с кочки на кочку, добрался до погонщиков волов, перекинувшись с их десятником несколькими словами. Пока Генри на повышенных тонах требовал от механика, убеждавшего его вчера, что машина в идеальном порядке, принять меры к экстренному устранению неисправности, погонщики, крича один другому, передали по колонне какое-то сообщение.¹⁴

– Я гарантирую! Если отсюда, – Генри указал на трубу парового механизма. – Если отсюда в течение часа не пойдет дым, и это чудовище не оживет, ты у меня с кайлом сдохнешь на этой стройке!

¹³ Хорошо, Алекс...

¹⁴ Супервайзер – смотритель.

Погрузившийся по пояс в нутро железного зверя механик расслышал только последнюю часть угрозы. Так происходило каждый раз, когда новая машина ломалась. Во всем мире это был чуть ли не единственный экземпляр, способный делать экскавацию грунта.

– Алекс! Что происходит?! – Генри, спустя четверть часа обнаружил, что вдоль каравана волов быстро, практически бегом, двигалась шеренга из нескольких сотен китайцев в войлочных шапочках с плетеными корзинами за спиной.

Крикнув несколько слов их главному старцу, который появился возле насыпи в первых рядах, Алекс тут же отчитался перед супервайзером:

– Триста человек помогут нам не остановиться. Старейшина Ли командует этим людом, так что мы можем быть спокойны. Спустя шесть часов, когда эти устанут, им на смену придут новые.

Вокруг будущей насыпи железной дороги развернулось грандиозное движение. Какая-то неведомая сила (это был старик Ли) организовала разделение труда, поставила старших на каждом участке и контролировала происходящее, находясь рядом с русским инженером. На некоторое время цивилизация паровых машин, парализованная разрывом масляного шланга, была вынуждена отступить и признать совершенство древнего китайского способа выполнения поставленной задачи. Дисциплина и организованность, плюс нужное количество исполнителей, создавали эффект волшебства, перемещая битый камень в нужное место в нужные сроки.

Спустя час Генри, отмерил длину вновь отсыпанной основы под железнодорожный путь, после чего пришел в неописуемый восторг, свойственный лишь детям и курителям опиума:

– Боже мой, Алекс! Да вы фокусник! Нужна ли нам эта паровая машина?

– Мистер Харрис, – Алекс снял кепи и платком промокнул лысеющую, коротко стриженую голову, – механизация нашей работы, это независимость от местного населения. Это сейчас мы обратились к их помощи, а при правильной постановке вопроса мы бы смогли даже завоевать их симпатии. К примеру, если бы помогли осушить болота...

Генри, не переставая восхищаться оперативностью и смекалкой русского инженера, несколько раз прошел насыпь, отдавая команды и распоряжения, будто почувствовал вкус удачи. Его настиг кураж, такой свойственный молодым авантюристам.

– Оставьте, Алекс, свои предрассудки! Вся эта свора людей с косичками интересует нас исключительно как рабочая сила и потребители опиума! Вы ведь понимаете, почему компания имеет шесть корветов и такой авторитет в акватории ближайших морей?

Мистер Генри Харрис, занимавший в компании далеко не последний пост, даже среди своих коллег выделялся высокомерностью и пренебрежительным отношением к китайцам. Молодой человек, не стесняясь в выражениях, восхвалял мощь и влияние своей фирмы, возникшей, по его мнению, исключительно благодаря британской решимости, деловой хватке и инстинкту колонизаторов.

На самом деле, времена, когда «Jardine Matheson & Co», обрела здесь безраздельную власть и заоблачные прибыли благодаря контрабанде опиума из Британской Индии, акционеры старались не слишком афишировать. Торговля отравой уже не соответствовала положительному имиджу солидной компании, претендующей в Китае на самые лакомые подряды, однако, полностью отказаться от опиумных караванов в «Jardine Matheson & Co» не решились. Курение опиума стало настолько распространенным, что, освободив англичане свою часть этого рынка, как тут же их место займут пронырливые французы или настырные голландцы. Опиум шел в Шанхай на бортах английских корветов, только теперь это происходило практически легально.

Спорить русскому геодезисту было не о чем. Волею судьбы, закинутый за тридевять земель от родного дома, он был вынужден лишь ограничиться предложениями. Подобное теплое отношение русского к местным Генри отнес на счет его слабостей, отметив для себя при

этом, что было бы крайне опрометчиво потерять такого отличного геолога, инженера и организатора.

Мистер Харрис не единожды пытался влезть в душу русскому коллеге, пытаясь уяснить для себя причину его неожиданного появления в Шанхае. Каждый раз он упирался в стену молчания и недоброжелательности. По всему было видно – русский пришел сюда не по своей воле, а в силу каких-то странных обстоятельств. Ни виски, ни пиво, ни душевные разговоры за полночь не позволили Генри добраться до истины. Как только он выводил русского на тему его прошлого, Алекс либо переводил беседу в шутку, либо устраивал состязание, кто больше выпьет, в котором непременно побеждал.

Только единожды, когда зашел разговор о способах геологической разведки, русский инженер в запале спора кинулся к планшету, пытаясь доказать свою точку зрения о том, что вовсе не обязательно зарываться в глубинные исследования. Достаточно знать причинно-следственную связь между образцами минералов и пород, обнаруженными на поверхности и содержимым недр. Генри тогда нашел аргументы русского очень самонадеянными и поверхностными и, тем более, не имеющими отношения к сути разговора – как и где лучше прокладывать трассу железной дороги. Алекс же, будто опомнившись, отложил свой потертый планшет в сторону и заметил лишь единственное – строить дорогу в местах, где под землей может находиться что-либо ценное, это преступная халатность. С таким же успехом можно проложить рельсы поверх раскопок древнего города или поселения, при этом потерять навсегда неизвестное знание или артефакт, способный раскрыть тайну возникновения цивилизации.

Практический и циничный склад ума мистера Харриса тогда помог ему сделать единственный вывод – планшет русского, это сейф с каким-то секретом внутри. Никогда Алекс его не оставляет без присмотра, носит на себе, перекинув через плечо, не расстается с ним даже в выходные дни.

К закату солнца непрерывная цепь китайцев, будто трудолюбивые муравьи снующих по единственно правильному маршруту, проделала работу, сопоставимую с производительностью парового экскаватора. Громоздкий механизм неожиданно натужно закричал, выпустил из трубы облако дыма и сердито заскрипел шарнирами, заставив мистера Харриса одновременно возрадоваться и поморщиться от этого препротивного звука.

– Алекс! На сегодня достаточно! Пусть идут домой! Мы больше не нуждаемся в их помощи, отпускайте! – смотритель жестом повелителя распорядился освободить строительную площадку.

Русский инженер промолвил старику Ли какую-то короткую фразу, после чего тот с видом, выражающим полную покорность, громко скомандовал и цепь носильщиков породы тут же сменила маршрут, черной ниточкой удаляясь в сумерках в направлении Шанхая.

– Как вам это удастся, Алекс? Обычно такой подряд стоит приличных денег, – мистер Генри Харрис, провожая взглядом рабочих, пытался перекричать рокочущий привод механического монстра, опустившего ковш в пыльную грудку камней.

Механик агрегата, он же его спаситель и повелитель, азартно натянув на глаза громадные очки, принялся энергично двигать рычаги, при этом издав победный клич сродни тому, что можно услышать от африканских туземцев, заставивших упасть слона. Работа продолжилась вопреки обстоятельствам и злему року.

Мистер Бурдж, не вдаваясь в подробности, жестом пригласил старика Ли взобраться наверх, чтобы закончить дело.

– Зачем он тут нужен? – в тоне Харриса сквозило не то, чтобы высокомерие, но опаска. Пребывая в Шанхае уже четвертый год, он не единожды сталкивался с коварством и непредсказуемостью китайцев, совершенно не питавших добрых чувств к иноземным пришельцам.

– Старик хочет удостовериться, что все договоренности в силе... – Алекс стал между китайцем и смотрителем, продемонстрировав свою готовность выступить переводчиком.

– О каких договоренностях речь? – Харрис недовольно скривил рот, всем своим видом показывая, что не имеет намерений вести какие-либо разговоры с ненавистными «узкоглазыми».

Старик, облаченный в тулуп, подбитый ватой, приблизился к англичанину и в знак почтения снял серую войлочную шапку, загнутые вверх поля которой напоминали крышу пагоды. Китаец, глядя на Харриса, возвышавшегося над ним на две головы, произнес длинное предложение.

– Ли говорит, что сегодняшняя помощь, это знак доверия и аванс с их стороны, – с некоторой задержкой, подбирая слова, перевел Алекс.

– Мистер Бурдж... что происходит? Вас кто-то уполномочивал на какие-то переговоры с китайцами? Или, быть может, вы стали главой компании «Жардин Мэтисон», а меня об этом не предупредили?

Старик Ли, не понимавший ни слова в разговоре англичан, с интересом вглядывался в лицо того, который показался ему главным и внимательно вслушивался в раздраженные интонации.

– Мистер Харрис... Когда я на месте устанавливал линию трассы, мной в инженерный департамент была подана бумага, в которой я детально описал необходимость переноса дороги на милю западнее. Уважаемый Ли – старейшина одного из многочисленных местных родов, просил не тревожить память предков и обойти их древнее кладбище, где покоятся останки не одного поколения из предков.

У мистера Харриса сложилось впечатление, что китаец вполне понимает, о чем они разговаривают с Алексом. Он принялся энергично кивать головой, поддерживая русского в каждом его слове, а затем, при первой же паузе, вставил своё слово.

– Память предков священна, покой их вечен, и тревожить их дух невозможно ни при каких обстоятельствах.

Алекс довел до Харриса краткий смысл сказанного китайцем, и от себя добавил:

– Старик Ли обещал, что они готовы пожертвовать частью рисовых полей, чтобы кладбище осталось нетронутым. Мне кажется, сегодня мы получили достойное подтверждение их добрых намерений. По крайней мере, канцелярия на мои предложения согласилась, и мой проект трассы в обход кладбища был проштампован к проведению работ. Странно, мистер Харрис, что вы о том не проинформированы должным образом.

В свете факелов, что уже зажгли вокруг экскаватора, глаза Харриса показались китайцу недобрыми.

– Это вы мне будете рассказывать, куда вести дорогу? У меня единственные командиры – это управляющий и здравый смысл. Я сказал, дорога пойдет прямо! У меня нет времени на эти ваши упражнения. Если китаец хочет денег за работу, он их получит, думаю, за пятьдесят рабочих вполне хватит.

Русский инженер не стал переводить сразу, а лишь обратился к зрителю, пытаясь скрыть свое волнение:

– Мистер Харрис... Всего-то нужно удостовериться в моей правоте. Чертеж в конторе, на местности разбиты колья. Вы сейчас совершаете непростительную ошибку...

– Пятьдесят, и точка. Больше не дам!

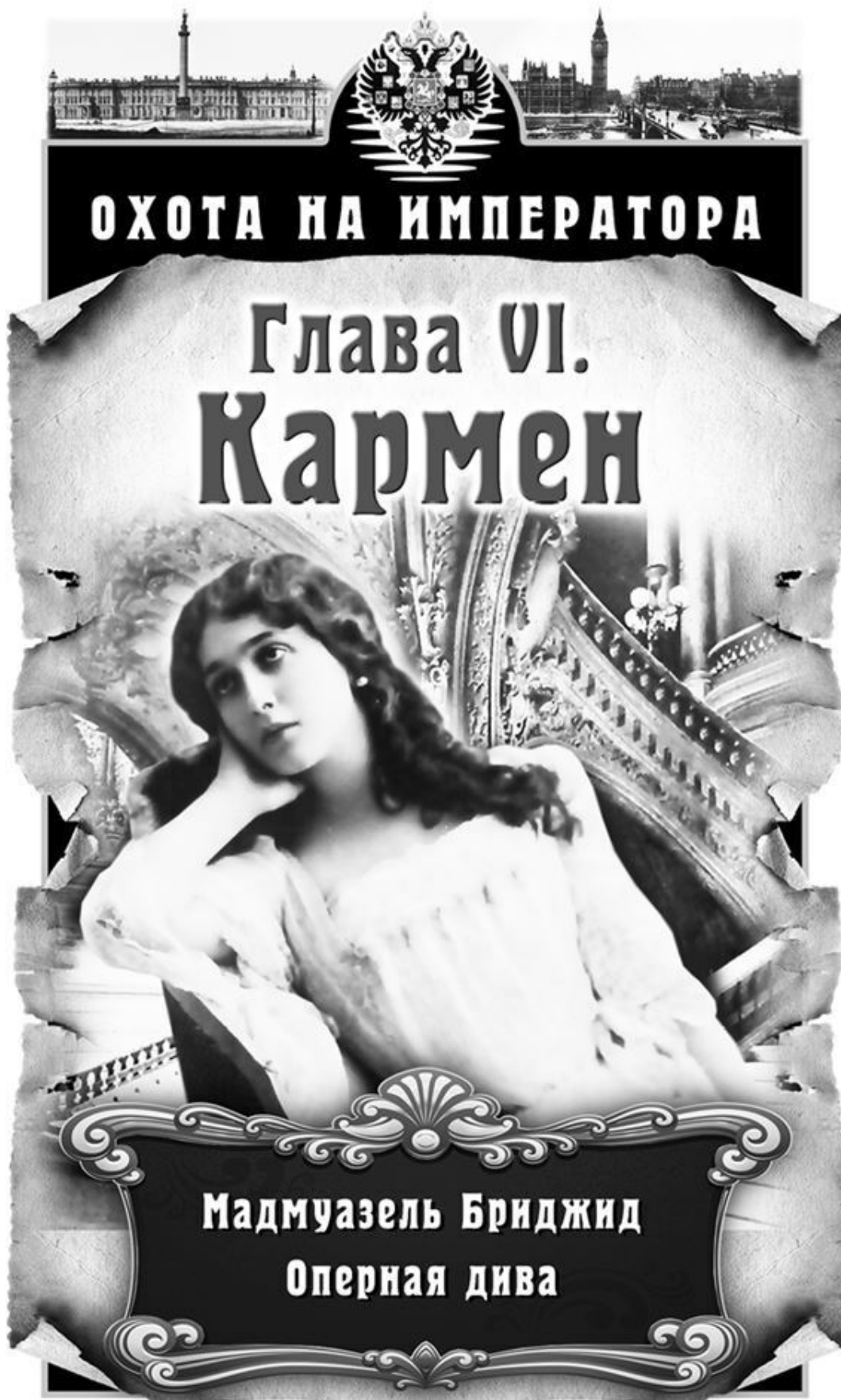
– Я не о людях. То, что их было триста, в данный момент не имеет значения. Я о кладбище. Они этого не простят, – русский инженер пытался вразумить своего зрителя, одновременно наблюдая, как взгляд старика Ли меняется с благостного на колкий, даже жестокий.

– Да кем он себя возомнил, чтобы меня прощать? Иисусом Христом? Пошел вон, узкоглазая тварь!

Последняя фраза Харриса, произнесенная тоном колонизатора и сопровождаемая красноречивым жестом, в переводе не нуждалась.

Старик Ли, погладив рукой свою жиденькую, но длинную бороду, тут же поднес ладонь к горлу, резко проведя по ней ребром. Харрис, уже отдававший команды механику, этого не заметил, а русский инженер не стал его расстраивать, он лишь поклонился старику, всем своим видом выражая сожаление...

Глава VI
Кармен

– Хотя фортуна вновь и вновь любезна...

Цыгане с присущим им темпераментом, стоя в пол-оборота к зрителям, эмоционально жестикулировали, медленно группой двигаясь к центру сцены.

– Беспечность – наш коварный враг! – продолжали их соплеменники со сцены.

– Помни, друг мой, что до края бездны...

Фраскита и Мерседес явно проигрывали красавице Кармен не только сценическими костюмами и размером алых цветков в пышных черных волосах, но и чертами лица. Лузгин с самого начала оперы обратил внимание, что подружки роковой цыганки явно более опытные, чтобы не сказать – староваты для своих образов. На их фоне главная героиня, выгодно отличавшаяся стройностью фигуры и красотой лица, держала на себе внимание зрительного зала, совершенно не напрягаясь.

– В горах один неверный шаг... – за время представления Лузгин, не отличавшийся искренней тягой к опере и глубоким знанием предмета, всё же приспособил свой слух и из общего хора уже выделял меццо-сопрано Кармен.

Сегодня случился один из тех редких дней, когда функции адъютанта предусматривали сопровождение Великого князя Константина в оперу. Лузгину была определена не совсем для него обычная миссия – от имени Константина Николаевича оказать знак внимания оперной диве Бриджид, исполнявшей партию Кармен в составе итальянской труппы. Великий князь, имевший репутацию большого ценителя искусства и женской красоты, не мог пропустить премьеру еще и потому, что был заинтригован восхищенными рекомендациями княжны Екатерины Михайловны Долгоруковой, к мнению которой он нередко прислушивался.

– Бесподобно... – Татьяна легким касанием руки обратила на себя внимание мужа, – правда ведь?

Десять лет назад Лузгин обещал своей будущей супруге, что больше никогда не будет неожиданно исчезать из её жизни, и он свое слово держал. Теперь всегда, когда приходилось отбывать куда-нибудь по поручению Великого князя, Леонид Павлович первым делом отправлялся домой и там, сложив руки перед собой, с некоторой нотой театральности умолял жену отпустить его. Татьяна же, согласно их ритуалу, принимала величественную позу, протягивала руку и после того, как её вечный поклонник прикладывался губами к тонким пальцам, позволяла ему подняться с колена и всегда давала одно и то же напутствие: «Оставьте, друг мой, свой скверный характер дома и не пытайтесь искать себе испытаний больше, чем сможете вынести. Помните: я запретила вам дуэли!» Лузгин всегда при этом почтительно кланялся, молчаливо и покорно принимая условия жены. Обстоятельства, при которых их роман из флирта превратился в любовь, оба помнили в красках и деталях.¹⁵

– Парижские критики утверждают, что опера несколько легкомысленна, как и её главная героиня... – слегка наклонившись к уху мужа, прошептала Татьяна.

– Да, я тоже читал... именно этот факт, похоже, и привлекает публику... Все эти люди собрались здесь, чтобы не только насладиться прекрасными голосами, но и познать историю порока и предательства... – ответил Лузгин.

Где-то сзади раздался осуждающий и трудноразличимый шепот, означавший, что чета Лузгиных позволила себе в храме искусства слишком много слов. Татьяна улыбнулась и слегка сжала руку супруга в знак согласия с его мнением – совместные выходы в свет, а уж в театр, так и подавно, в силу особенностей службы мужа были большой редкостью, так что некоторые мелкие проколы в вопросах этикета можно было считать вполне объяснимыми.

Искренне пораженный случившимся, Эскамильо на сцене удивленно рассматривал свою шляпу, продырявленную выстрелом и с недоуменным взглядом искал своего обидчика:

¹⁵ Указанные обстоятельства любопытный читатель найдет в первой книге о приключениях адъютанта: «Аляска. Крым. Сделка века.»

– Чуть точнее – и гуляй с дырявой головой!

– Эскамильо?

– Клянусь! – диалог тенора и баритона заставил публику затаить дыхание. Сюжет набирал обороты.

– Поучать не берусь, но дам один совет: под пулю лезть не надо, когда нужды в том нет... – Хосе в своем наущении оказался столь убедителен, что Татьяна, повернувшись к мужу, лишь подняла брови в подтверждение полного согласия с услышанным.

– Я пули не боюсь! – Эскамильо парировал решительно, вскинув правую руку вверх, в сторону зала.

– Пусть не раз у виска шальная пуля свиснет! Страшна ль она тому, кто без ума влюблен?

Адъютант в свою очередь повернул голову в сторону жены, изобразив на своем лице вопрос, будто это он только что нараспев произнес со сцены эту реплику.

– Любовь в оценке знатока дороже жизни! – Эскамильо пропел этот известный всем постулат, после чего опустил взгляд в пол, всем своим видом показывая, что последнее слово осталось за ним. Татьяна же, поддержав немой диалог с Лузгиным, слегка пожалала плечами, выразив сомнение в искренности своего героя.

– Значит ваша избранница здесь? – почти в отчаянии прокричал Хосе, а Татьяна продолжила взглядом допрашивать мужа, вторя вопросу со сцены – спонтанная пантомима между супругами, так кстати, уложившаяся в либретто оперы, обоим доставляла удовольствие.

Эскамильо, широко расставив ноги, уперся рукой в бок и тут же, не потратив лишней секунды на раздумья, ответил сержанту Хосе:

– Так и есть! Твоей догадкой восхищен!

Лузгин обеими руками изобразил триумфальный жест, означавший, что правда раскрылась, после чего, увлеченный экспромтом, позволил себе невиданную слабость – послал жене воздушный поцелуй.

– Кто же это? – неслось со сцены. Татьяна строго посмотрела на супруга, будто ожидая громкого ответа.

– Кармен!

Лузгин сдвинул брови, недовольно глянув на сцену – певцы, следуя сюжету, ушли в сторону от их с Татьяной истории.

Всё четвертое действие оперы Татьяна держала супруга за руку, искренне сопереживая развивающейся на сцене драме, и думала о том, что должна быть благодарна судьбе и Всевышнему. Да, господь не дал им детей, но и не обездолил любовью. Возможно, чувство это, так резко вспыхнувшее между ними десять лет назад, не во всем соответствовало её девичьим мечтам, но разве стало оно от того менее ярким? Частые разлуки вносили в её жизнь горьковатый привкус ревности, но сама себя она утешала тем, что все это от незнания и бездействия. Тем радостней и долгожданней была встреча, неизменно сопровождаемая цветами и ухаживаниями, будто в первый месяц их знакомства.

– Ты все-таки пойдешь со мной, чертова ведьма! – бедняга Хосе, ведомый обуявшей его ревностью, все еще испытывал иллюзии, что силой сможет удержать любимую цыганку.

Вееры в зале замелькали все чаще – скрывать волнение души дамская часть аудитории уже не могла. Мужчины, до сих пор сохранявшие невозмутимые лица и делавшие вид, что страсти эти их не трогают, так как не имеют отношения к реальной жизни за пределами стен театра, достали свои пенсне, чтобы в деталях разглядеть главную сцену скандальной постановки.

– Нет! Нет! Забери перстень свой, чтоб руки не марать мне! Вот! – правильные, совершенно не цыганского типа, черты лица Кармен исказились в приступе ярости и она, сорвав с пальца кольцо, бросила его к ногам своего назойливого поклонника.

– О, проклятье! – Хосе, разум которого не мог принять происходящего, достал бутафорский нож.

Апофеоз близился. Юные барышни, прибывшие в оперу в сопровождении родителей, как по команде ахнув, прикрыли полупрозрачными веерами лица, оставив только глаза, чтобы не пропустить самое интересное. Молодые офицеры, прибывшие сюда блеснуть мундиром перед юными барышнями, но имевшие денег только на билет в райке, снисходительно ухмылялись, понимая, что до такого развития сюжет не допустили бы, прервав его дуэлью еще где-нибудь во время второго действия. Матушки юных барышень, одетые в пышные, иногда не слишком соответствующие сегодняшней моде, платья, лишь вздыхали, завидуя Кармен, из-за которой вспыхнули такие страсти. Даже на заре их туманной юности представить себе такое можно было бы только в самых смелых и неприличных мечтах. Почтенные отцы семейств, обычно приглядывавшие за своими юными дочерьми и непременно ходившие со своими супругами под руку, оценивали ситуацию рационально, взвешивая, насколько оправдано покушение на убийство, стоит ли овчинка выделки?¹⁶

Татьяна, рассмотрев в руках сержанта Хосе кинжал, беззвучно охнула, но на лице её читалась не жалость к цыганке, не восхищение решительностью ослепленного любовью испанца, а удовлетворение предстоящим актом справедливости. В понимании Татьяны Лузгиной, в девичестве – Данзас, женская добродетель – величина постоянная и совершенно необходимая для семейного счастья, а всякая сторонняя сила, посягнувшая на святой покой семьи должна быть покарана. В этом смысле Татьяна с мнением парижских критиков о распутности главной героини была полностью солидарна.

Лузгин, заранее озаботившийся изучением сюжета, понял, что представление подходит к концу, у актеров будет несколько минут на упоение славой, поклоны и осчастливливание воздушными поцелуями восторженной публики, после чего занавес закроется и ему чем-то нужно будет занять супругу, пока он спустится в гримерные помещения.

Попытка испуганной Кармен скрыться в декорациях, изображавших вход в цирк, как и ожидалось, оказалась неубедительной – Хосе в два прыжка настиг коварную красавицу и нанес ей два удара кинжалом. Стройное тело цыганки обмякло и безжизненно распласталось в ногах безутешного любовника.

– Да, теперь ты со мной, безропотное тело... О, Бог мой! Кармен! Что я сделал...

Тяжелый занавес, поскрипывая своими мудреными механизмами, медленно закрыл собой сцену и сержанта, рыдающего над трупом любимой.

Восхищенная публика разразилась щедрыми аплодисментами, быстро перешедшими в овацию. Как положено в этом месте представления, занавес открыли. Для артистов пришло время наслаждаться таким долгожданным моментом.

Грим ожившей Кармен едва заметно потек от слез актрисы, только что исполнившей на сцене одну из самых триумфальных сцен в карьере. Бриджид, скромно поправив розу в черном парике, в сопровождении Хосе, Эскамильо, своих подруг в пестрых юбках и остальных цыган сделала несколько шагов навстречу публике, после чего замерла в поклоне, приложив руку к сердцу.

– Bravo! Bravo! – из разных концов зала, раздавались восторженные возгласы почитателей солистки, многие из которых с трудом смогли попасть на оперу.

Труппа еще несколько раз кланялась, купаясь в славе и получая ту, такую необходимую для любого актера порцию признания и славы, без которой невозможно малейшее вдохновение, без которой угаснет самый яркий талант.

¹⁶ Раёк – галёрка.

– Любовь моя, признаю, что в одиночестве я не получил бы такого удовольствия от этого шедевра, – Лузгин поцеловал руку жены, которая, опираясь на многолетний опыт, сразу же среагировала.

– Тебе нужно идти?

– Минутное дело... – Лузгин глазами искал капитана Завадского, служившего в Кронштадтском гарнизоне, которого он заприметил во время представления. – Александр Александрович! Друг мой!

Завадский, уставший уже аплодировать, но не решавшийся смазать восторженные чувства своей супруги, обернулся на оклик и жестом показал, что как только все закончится, он подойдет.

– Танюш... позволь тебе представить моего старого флотского друга! – Лузгин, поклонившись супруге капитана, пытался соблюсти все формальности, сдерживая радость от встречи со своим старинным другом.

– Под парусами еще вместе ходили! – воскликнул капитан, без стеснения обнимая Лузгина. – Сколько же лет мы не виделись? Десять? Пятнадцать? Уж и не припомню! Екатерина Алексеевна прошу любить и жаловать – Лёня Лузгин! Нет. Нет так. Капитан второго ранга, Леонид Павлович Лузгин с...

– С супругой, – адъютант время прервал неловкую паузу. – С супругой Татьяной Борисовной. И считать не хочу, сколько лет прошло. Как один день.

– Я прямо не знаю, неужели мы вот так расстанемся? – Капитан Завадский, искренне расплывшись в улыбке, уже вынашивал некоторые планы на вечер. – Лёня, мы не можем опять потеряться, да и встречу старых сослуживцев следовало бы отметить. Как вы относитесь к кухне Пьера Кюба?

Вопрос не подразумевал другого ответа, кроме положительного, так что, Лузгин долго не раздумывал:

– Татьяна Борисовна, изволите согласиться? Господин Кюба славится своим мастерством, абы кого не пригласят ко двору готовить банкеты для самого императора...

Выдержав положенную в таких случаях паузу, Татьяна Борисовна все же соизволила отреагировать, продолжая играть с любимым мужем в первое свидание:

– Отчего же не согласиться, тем более, в вашем обществе, Леонид Павлович... Вы только за службой своей не забудьте о своих обязательствах...

– Вот, смотри, Катюша, какие высокие отношения! Будто первый раз встретились! – восхищенно заметил Завадский.

– Татьяна Борисовна, я мигом! Саша... прошу тебя, не дай скучать моей дражайшей половине. Пока вы соберетесь и поймаете извозчика, я дела свои улажу и в вашем распоряжении, хоть до утра! – Лузгин искренне радовался встрече с Завадским, им было о чем поговорить и что вспомнить.

– Леонид, друг мой, на площади нас ожидает мой экипаж. Что вы, в самом деле, – Завадский, как в юности щелкнул каблуками, предложив дамам обе руки, после чего, заговорщицки моргнув старому другу, увлек их в фойе.

Лузгин, чтобы не терять даром времени, решил поспешить. Заранее припрятанная у распорядителя корзина цветов ждала его в целостности и сохранности.

– Мадам не принимает! Мадам устала! – директор труппы перегородил своей грузной фигурой узкий проход служебного коридора, ведущего в гримерные комнаты. – Господа! Господа! Прошу вас, все подарки вы можете оставить мне, мадам Бриджид получит все в целостности и сохранности!

Среди поклонников, штурмующих гримерную комнату звезды, Лузгин не приметил ни одной дамы – исключительно молодые офицеры, субтильного вида юноши, да напористые гимназисты, пыл которых мгновенно иссяк, только Лузгин зашел с тыла:

– Равняйся! Срррно!

Толпа страждущих получить автограф звезды тут же притихла и расступилась, оставив адъютанту проход, но корзина с цветами была настолько велика, что им и вовсе пришлось покинуть коридор – колючий взгляд капитана второго ранга, пребывавшего, фактически, при исполнении, не подразумевал каких-то споров и дискуссий.

– Дорогой Леонид Павлович, я вам чрезвычайно признателен! – пухлые руки итальянца с короткими мясистыми пальцами сложились в характерный жест – ладонями друг к другу, будто он собрался воздавать небесам молитву за то, что те послали ему почтенного гостя так вовремя.

– Это почему вам можно, а нам нельзя?! – из отступившей толпы поклонников раздался робкий голос какого-то юнца лет двадцати.

– Мадам ожидает... – убедительно отбил выпад адъютант. Страждущие, оценив здраво ситуацию, смирились с тем, что шансы лицезреть звезду у них мизерны и принялись под руководством итальянца аккуратно укладывать букеты и коробки с конфетами на специально подготовленный для этого небольшой столик на резных ножках.

– Прошу вас, господа, прошу... так бы давно... – директор труппы с потешным акцентом благодарил только что бушевавших и страстных поклонников за понимание и каждому лично гарантировал, что оперная дива получит все в лучшем виде. – Леонид Павлович, я думаю, вы можете войти. Госпожа Бриджид предупреждена...

Постучав два раза, Лузгин не стал дожидаться ответа и тут же проник внутрь.

– Да, да... войдите... – с некоторым запозданием отреагировала певица, сидевшая спиной к двери и лицом к зеркалу, в котором она прекрасно видела, что происходит.

– Мадам Бриджид...

– Мадемуазель. Джованни придумал это «мадам» для солидности. Сомнительный ход, но он считает, что так ему будет легче отбиваться от моих поклонников, – Бриджид разговаривала с таким легким и приятным акцентом, что Лузгин невольно вслушивался в каждое слово, пытаясь определить её родной язык.

– Мадемуазель Бриджид... Адъютант Великого князя Константина Николаевича, капитан второго ранга Лузгин, – офицер поймал себя на мысли, что уже очень давно ему не приходилось представляться по форме.

– Проходите же, капитан... – Бриджид резко развернулась, от чего её шелковый халат несколько распахнулся, обнажив прекрасное декольте.

– Великий князь просил передать свое искреннее восхищение вашим талантом и, в знак благодарности за доставленное публике удовольствие, доставить вам эти цветы.

Адъютант демонстративно приподнял корзину и замер в ожидании реакции ослепительной актрисы.

– Знаете ли, я опечалена...

– Чем же, мадемуазель? – Лузгин так и продолжал стоять с корзиной, ощущая себя полным идиотом, настолько непривычной и неприятной оказалась для него мизансцена, в центре которой он сейчас оказался.

– Может быть, это прозвучит самонадеянно, но я опечалена тем, что Великий князь не удостоил меня чести отблагодарить его лично... – Бриджид картинно исполнила книксен, без стеснения нагнувшись вперед, да так, чтобы Лузгин мог созерцать её скрытые под легким шелком прелести. – Передайте Его Высочеству мой низкий поклон и благодарность за оказанное внимание... О моей печали, пожалуй, говорить не стоит...¹⁷

¹⁷ Книксен – поклон с приседанием.

Впервые за долгое время Лузгин почувствовал себя юнцом, не способным трезво мыслить в присутствии красивой женщины. Тому способствовал легкий полумрак, наглухо зашторенные окна, тонкий запах духов и пудры и платье Кармен, небрежно брошенное на кресло.

– Что же вы замерли, господин адъютант... поставьте же, – расхохоталась Бриджид, указав на пустой пристенный столик. – Есть ли у вас имя, адъютант?

Лузгин, будто очнувшись, поставил презент от князя на определенное хозяйкой будуара место и представился:

– Леонид.

– Лео. Будете просто Лео, – подойдя поближе, Бриджид с нескрываемым интересом принялась разглядывать визитера. – Знаете ли, у меня в этой стране совершенно нет человека, которому я могла бы доверять... все больше сумасшедшие поклонники. Джованни не в счет. Что может Джованни?

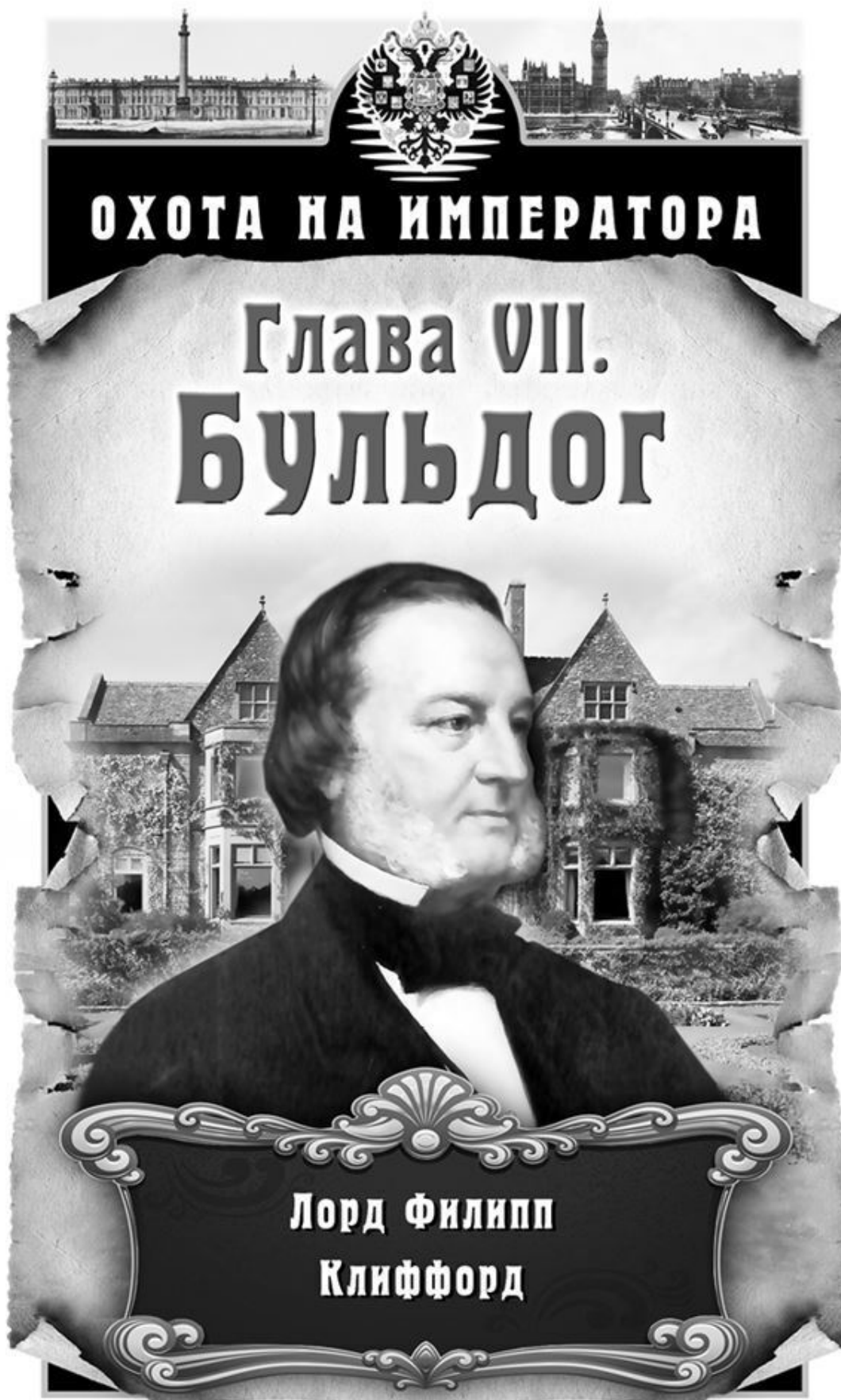
Бриджид закончила сеанс пристального изучения капитана и, будто сделав какие-то выводы, вернулась к зеркалу, по краям которого горели электрические лампы.

– Джованни ничего не может. Он только требует. От него слова доброго не услышишь. Я могу вам доверять, Лео?

– Можете, мада... мадемуазель...

– Ну что же, тогда будем считать, что я теперь в Петербурге не одинока...

Глава VII
Бульдог

Ретроспектива. Апрель 1876 г. Лондон.

Уставший после всех перипетий сегодняшнего дня и долгой дороги домой, уже немолодой, поседевший почти полностью за последние пару лет лорд, с видом человека, знающего толк в удовольствиях, расположился в кресле-качалке лицом к камину.

Мажордом, с обеда ожидавший хозяина, к его приезду положил в топку пару буковых поленьев и оставил их неспешно прогорать до вечера. Лорд, хотя и берег себя от простуды и старался держать ноги в сухости, крайне нервно относился к жаре в своем кабинете. Сказывались молодые годы, проведенные в составе экспедиционного корпуса в Индии, где юный Филипп, поражая командование своей храбростью и ненавистью к туземцам, порой граничащей с жестокостью, заслужил свои первые боевые награды за верную службу Британской короне.

– Овертон, дружище, сделайте милость, проверьте, не осталось ли в наших подвалах немного виски? – хозяин родового поместья в одном из тихих пригородов Лондона лукавил, когда задавал мажордому этот вопрос. Для старика Овертона, служившего их семье уже четвертый десяток лет, было бы крайне приятно лишний раз убедиться в своей значимости и полезности хотя бы раз в две недели, когда лорд, оставив все свои дела государственной важности, прибывал из шумного и суетливого Лондона домой, чтобы насладиться покоем и тишиной. А подвалы родового гнезда содержали запасы благородного виски, отборных вин и ароматных коньяков в количестве, способном удовлетворить недельную потребность экипажа броненосца, ударившегося в круглосуточный загул в связи с возвращением в родной порт.

– Сэр... Желаете виски с равнины или тот, что разливают на возвышенности? – слуга, идеально подготовивший поместье к приезду хозяина, и сам облачился во фрак, получая от этого нескрываемое удовольствие.

Прошли те времена, когда к его хозяевам в субботу съезжалась вся окрестная знать, чтобы обменяться последними слухами и новостями, а затем, попивая пунш, позволить себе пару партий в бридж. Теперь новости поступали телеграфом, гости прибывали поездом, даже зеленщик и почтальон, и те пересели на модные велосипеды конструкции Джеймса Старлея.

Мир менялся с непостижимой для сознания старика скоростью, но все это происходило за пределами «Хилсборо Мэдоу», куда Овертон заставлял себя выбираться лишь в случае крайней необходимости – если он сам нуждался в сердечных каплях или опять страдал воспалением глаз любимый бульдог лорда по кличке Оливер.

Не единожды гости имения, доверительно наклонив голову к седым бакенбардам мажордома, шепотом интересовались у старика Овертона: «Скажите, милейший... На условиях анонимности... Соответствуют ли действительности слухи о том, что имя вашего бульдога как-то связано с фигурой Кромвеля?»

– Что вы, право! Во-первых, это собака лорда, а во-вторых, Кромвель здесь совершенно не причём! – мажордом всегда отвечал нарочито громко, чтобы вогнать в краску невоспитанного посетителя. – Хозяин большой поклонник творчества Чарльза Диккенса, полное собрание сочинений которого вы можете заметить в библиотеке на четвертой полке справа. Будучи человеком прогрессивным, познавшим в молодости тонкости восточной мудрости, лорд считает, что имя – это путеводный маяк в судьбе любого божьего создания и надеется, что у его любимца жизнь в итоге сложится так же счастливо, как и у Оливера Твиста...

После такой длинной тирады, как правило, любопытный гость больше в доме не появлялся, а Овертон получал от лорда вознаграждение, равное месячному окладу.

Более всего в жизни хозяин «Хилсборо Мэдоу» не мог терпеть в людях чрезмерного любопытства и беспардонного вмешательства в уклад собственной жизни. Будучи в своем возрасте человеком неженатым и бездетным, Филипп полностью посвятил себя делам Адмиралтейства и службе королеве Виктории. Конкуренции в области любопытства, желании докопаться до чужих секретов и при этом тщательно оградить свои тайны, лорд не терпел на природном уровне.

– Буду признателен, Овертон... Пожалуй, на ваш выбор... – лорд, предпочитавший сигару трубке, не глядя на коробку, рукой достал оттуда кубинскую скрутку и не спеша, соблюдая ритуал, принялся наслаждаться запахом этого произведения искусства.

Спустя несколько минут, в течение которых лорд успел обдумать свои позиции в предстоящей завтра беседе с Первым лордом Адмиралтейства о ближайших планах на закладку броненосных кораблей, Овертон без стука вошел в кабинет, подав на подносе графин с виски, два низких стакана и вазу со льдом.

– По какой причине два стакана? – лорд, отрезав кончик сигары с помощью специальной гильотины, не смог заставить себя отвлечься от процедуры раскуривания сигары.

Дождавшись, когда после третьей затяжки лорд удовлетворенно выпустил тугую струю дыма, Овертон доложил:

– Сэр, к вам посетитель. Я подумал, что, прежде, чем вы распорядитесь гостя выгнать, стоит попробовать его выслушать. Мало ли, как Господь распорядился, и что там теперь у него в голове. Прибыл ваш племянник Генри Харрис... Прикажете впустить?

Камин продолжал размеренно потрескивать, выстреливая редкими, но яркими звездочками искр. Оливер, прикусив язык слегка налево и прищуривая правый большой глаз, от чего напоминал карибского пирата, завидевшего испанский галеон, посапывая, как все бульдоги, проследовал к хозяину и уместился на его ногу. Взгляд белого кобеля, покрытого редкими рыжими пятнами, не предвещал непрошеному визитеру ничего хорошего. Отвисшие нижние веки старого пса, его поседевшие щеки и тяжелое дыхание совершенно не давали повода усомниться в его решимости. Напротив – делали собаку еще более сосредоточенной и осторожной.

– Пожалуй... – лорд пригубил виски, которым Овертон успел наполнить стакан, – проводите его сюда...

– Будет исполнено, сэр... – мажордом, отвернувшись и проследовав к выходу, позволил себе улыбнуться. В имени, кроме хозяина, продолжателей фамилии не осталось, и Генри Харрис, сын покойной старшей сестры лорда, оставался во всей Британии единственным его родственником.

Оливер, недовольно зарывчав, повернул морду в сторону двери. Когда та открылась, в кабинет шагнул молодой человек лет двадцати пяти, с необычно загоревшим и обветренным лицом, нетипичным для жителя островов. По таким приметам полиция обычно быстро в случае необходимости находила матросов, либо бывших колонизаторов, прибывших на родину из дальних краев с тропическим климатом.

Пес, ухватив носом воздух, ворвавшийся в помещение вместе с запахом чужака, сначала напрягся и зарычал, а потом, будто следуя неведомой команде, подсказанной памятью детства, сорвался с места и кинулся навстречу гостю, радостно повизгивая.

– А говорят, у собак память короткая... – лорд отпил маленький глоток из стакана, не повернув головы. – Он еще щенком был, когда ты, тоже щенок, колье Генриетты проиграл...

Генри не льстил себе, и не надеялся на душевную встречу с дядюшкой Филиппом. Тот досадный эпизод, когда совсем юного Харриса отрядили в Китай, чтобы не придавать огласке семейный скандал, связанный с пропажей фамильной драгоценности, занозой сидел в душе молодого человека. После смерти матушки Генриетты он вообще не имел ни малейшего представления, с каким лицом появится в родовое имение, хотя, много раз пытался себе вообразить эту, полную противоречивых эмоций сцену.

– Оливер... – Харрис почесал бульдога за ухом, а тот, словно вспомнив о своем почтенном возрасте, передумал падать на спину и подставлять старому знакомому, которого он не видел почти десять лет, свой незащитный, розовый живот.

– Я вернулся, дядя Филипп... – игры с довольным встречей псом не могли продолжаться вечно. Генри должен был сказать нужные слова единственному своему родственнику, которому в принципе был обязан всем.

– Не скажу, что счастлив, – лорд по-прежнему не повернул голову в сторону племянника. – Боюсь даже представить обстоятельства, которые вынудили тебя на этот отчаянный шаг.

В кабинете воцарилась тишина. Лорд ожидал от племянника каких-то слов, а тот, не понимая, прощен ли, или следует еще каяться, молчал, глядя в пол.

Мудрый Оливер понял, что люди разговаривают о своем, и им нет дела до его искренних эмоций, после чего отправился поближе к камину греть пятнистые бока.

– Я могу рассказать о событиях последних недель своей жизни? Дядя Филипп, поверьте, я бы не посмел явиться просто так, с пустыми руками... Кроме того, обстоятельства...

Лорд, впервые за время их короткого диалога, обернувшись, дал понять, что готов переступить через собственную гордость и выслушать племянника. В конце концов, это его кровь, пусть даже и не совсем родная.

– Виски, – лорд указал взглядом на хрустальный графин.

Генри дрожащей рукой взял за горлышко графин и плеснул в стакан янтарного цвета жидкость, после чего лорд поднял свой в знак примирения. Старик Овертон был прав, когда предложил выслушать племянника. Годы лечат.

Выпив залпом, Генри посчитал возможным присесть на соседнее кресло.

– Я не тешу себя надеждой, Генри, что твоё появление несет для меня что-то хорошее. Ты никогда не заботился ни о семье, ни о том, какое место в этой семье ты занимаешь. Генри... Твоя мать долго не думала, когда имя тебе выбирала. У Генриетты мог появиться только Генри. Она похоронена на нашем кладбище...

– Я виноват перед вами, дядя Филипп. У меня только одна надежда – искупить этот грех.

– Оставь свои сопли для дешевых романистов, – обрезал лорд. – Я присматривал за твоими успехами в Шанхае, и, должен заметить, ты оказался серостью. Я ожидал большего. С другой стороны – спасибо, что не опорочил имя... Не отвлекайся на эмоции. Они вредят рассудку. Что там у тебя, помимо того, что ты без предупреждения уехал из Шанхая?

Последняя фраза убедила Генри, что дядя Филипп, несмотря на все сложности и очень долгую паузу в их общении не спускал с него глаз все это время.

– Я был вынужден спешно оставить Шанхай и первым же английским пароходом отбыть в Лондон.

– Это я уже понял. Чем вызван такой острый приступ ностальгии за родными краями?

С дядей Филиппом всегда было тяжело разговаривать, это Генри помнил с детства.

– Вопрос жизни и смерти.

– Генри... Мне всегда не нравилась твоя манера набивать себе цену. В сути вопроса я сам разберусь. Твоё дело – внятно и быстро рассказать, что произошло.

Оливер, пригревшись возле камина, задремал, и кабинет наполнил размеренный храп любимого бульдога лорда.

– Началось все с того, что железная дорога на Узун, строительство которой доверили контролировать мне, почти вплотную приблизилась к конечному пункту. Нам осталось пройти совсем не много, и мы отставали от графика, что совершенно недопустимо. Для меня это был вопрос чести.

Лорд, расплывшись в саркастичной улыбке и затянувшись между делом сигарой, негромко заметил:

– Чести? Когда и где ты познакомился с этим понятием, Генри?

– Вы, дядя Филипп, можете сейчас колоть меня взглядом, фразами, чем угодно. Суть дела это мало изменит. Я буду в ответ лишь молчать, так как виноват. Я не ударился в бега, я не искал спасения где-нибудь в Индии, хотя я могу себе это позволить. Я приехал к вам. Считайте, что это доклад. Возможно, Адмиралтейству в итоге мой визит окажется полезным.

– Продолжай, – лорд решил прекратить издевки над племянником хотя бы ради того, чтобы разобраться в сути дела.

– У меня был только один шанс не сбиться с графика – пустить дорогу напрямую, через китайское кладбище. Вы знаете, дядюшка, я никогда не ударялся в мистицизм, но, как только паровая машина своим ковшом коснулась забора, начали происходить странности. Сначала упал носом на рычаги механик. Мы подумали, что потерял сознание от жара, исходящего от парового котла, но нет. Бедняга так и не пришел в себя.

– Кровавая пена или так, затих и умер?

– Затих и умер.

– Прекрасно. Это что-то новое, – лорд впервые за все время выказал свою заинтересованность.

– Естественно, так как механизмом управлять было уже некому, то работы пришлось остановить, о чем немедленно мной было доложено в управление. Сменщик отсыпался в сеттльменте в Шанхае, где живут все наши. Каково же было мое удивление, когда я, прибыв домой, застал доктора Трэвора в состоянии сильнейшего волнения. Оказалось, что и второй механик скончался. Симптомы были те же. Внезапная потеря сознания, остановка дыхания, а затем – и сердца.¹⁸

– Надеюсь, доктор осмотрел тела обоих бедняг и удосужился провести сравнение?

– Абсолютно верно, и это повергло меня в состояние ужаса! Сбоку на шее оба имели след, будто от укуса какого-то насекомого. Маленькая красная точка с еле заметным розовым ореолом.

– А как доктор умудрился не заметить дротик? – лорд продолжал наслаждаться вкусом сигарного дыма в сочетании с изысканным вкусом шотландского виски.

Нисколько не удивившись проницательности дядюшки Филиппа, Генри продолжил:

– Трэвор прибыл по контракту за несколько недель до этого происшествия и, скорее всего, еще не ознакомился с тонкостями местного ремесла наемных убийц. Он нашел один из дротиков, после чего не дожидаясь утра, неосторожно зацепившись пальцем за острие.

Переложив одну ногу на другую, лорд, не выпуская сигары, заметил:

– Бьюсь об заклад, утром было продолжение...

– Абсолютно верно. Прибыв на место проведения работ, я застал следующую картину: ни одного китайца из числа нанятых рабочих на месте не обнаружилось, а там, где мы вчера оставили паровую машину, можно было наблюдать лишь кучу обгоревшего железа. Представляете, в какую панику я впал?

– Представляю! Конечно, представляю, мой дорогой племянник! Твое лицо, которое я наблюдал, когда тебя уличили в краже кольца покойной Генриетты, я вижу как сейчас. Перепуганный, губы дрожат, из глаз вот-вот прыснут слезы... Ты хоть прямо там не разрыдался?

Генри, осушив второй стакан, предпочел не отвечать на уколы именитого родственника, а продолжил рассказ:

– В течение дня мне не удалось найти ни одного подрядчика из числа китайцев, и я распорядился выписать штрафников из местного гарнизона. Благо, полковник часто бывал в клубе по пятницам и мы знакомы лично.

– Там ты его в карты обдирал, Генри. А, между прочим, дорогой племянник, у старого вояки не только две юные дочери, требующие ежемесячно новые наряды, но и внебрачный сын. Ты думаешь, мисс Дороти из вашей канцелярии случайно отбыла в Лондон, сославшись на непереносимость азиатского климата? Нет... Она уехала рожать, поверив старому ловеласу, что тот будет ежемесячно слать ей содержание. А полковник просаживал львиную долю своего жалования в карты. Признайся, он же за долги пошел тебе на уступки?

¹⁸ Сеттльмент – отдельный английский квартал с собственной администрацией и полицией.

Генри слыхивал о некоторых феноменальных способностях медиумов, способных проникать в сознание слабовольных собеседников и читать их мысли. Но, во-первых, Генри себя не считал слабовольным, а, во-вторых, он сейчас даже в уме не держал мысли о мотивах полковника.

– Я отвык от вашей пронизательности, дядя Филипп. Может быть, я зря все это рассказываю, и вы знаете больше моего?

– Нет, нет... Продолжай, Генри. Мне очень интересно было бы услышать твою версию. Сказать честно, я думал, ты появишься на несколько дней раньше. Ты пропустил один пароход.

– Ежедневно я ощущал вашу отеческую заботу, дядя Филипп, – виски придал молодому человеку смелости и развязал язык.

– Не отвлекайся. Каким образом полковник отчитался об исчезновении такого количества арестантов с гарнизонной гауптвахты?

– Я не знаю, это его вопрос. Я ему карточный долг простил...

– А он и не отчитывался, Генри. После того, как ты тем же вечером сел на пароход в Шанхае, кстати, то, что ты выбрал судно под британским флагом, это похвальная предусмотрительность, иначе они тебя в море утопили бы, так вот... После твоего спешного отбытия полковник застрелился. Он не смог пояснить начальству скоростное отравление семидесяти солдат и матросов Её Величества, и не где-нибудь, а в поле возле китайского кладбища. Девочки остались сиротами, а мисс Дороти и её новорожденный окончательно потеряли надежду на счастливую и сытую жизнь.

– Но котел с обедом для штрафников прислали из гарнизона... – вяло пытался парировать Генри, понимая, что осведомленность дядюшки Филиппа не оставляет ему ни малейшего шанса сказать неправду.

– А вез этот котёл китаец. Ты тупица, Генри. Продолжай.

– Вечером, когда я уже шел из паба домой, мой взгляд зацепился за свет в моем окне. Прилично выпив, я, конечно, посчитал, что море мне по колено, после чего закатал рукава по локоть и ринулся навстречу злему року.

– Навстречу смерти своей ты ринулся... – лорд не мог отказать себе в удовольствии лишний раз уколоть племянника.

– Поднявшись по деревянной лестнице на второй этаж, я застал следующую картину. В открытом дверном проеме моей комнаты, головой в коридор, лежал русский инженер Алекс Бурдж с пробитой головой. Кровь из глубокой раны сочилась, пульсируя, а значит, он был еще жив, сердце билось. Все, что он мне успел сказать, так это, чтобы я не заходил, внутри вооруженный вор. После этих слов я услышал, что оконные створки хлопнули, движимые сквозняком. Внутри уже никого не было. Алекс скончался у меня на руках.

– Почему и как он оказался в твоей комнате?

– Наши жилища имеют смежную стену. Вполне возможно, он, зная, что я на службе, услышал шум и увидел открытую дверь. Да, точно... Рядом стоял его подсвечник на три свечи. Массивный такой, с ангелочками снизу. Этот свет я и приметил с улицы.

– Удивительно, что он услышал шорох. Обычно такие специалисты не позволяют себе детских проколов. Может быть, они посчитали твою фигуру слишком незначительной и послали практиканта?

– Кто?

– Триада. Если бы ты увидел их главного старика без одежды, скорее всего, удивился бы количеству и качеству рисунков на его теле. Как, кстати, его звали?

Ошарашенный Генри попытался напрячь память, чтобы не ошибиться с ответом, но ничего не смог из себя выдавить.

– Его зовут Ли, – вместо племянника ответил лорд.

– Откуда? Откуда вы, дядя Филипп, могли это узнать? – Харрис говорил уже с искренним восхищением.

Лорд предпочел не посвящать племянника в подробности своей работы и в график получения сводок о необычных происшествиях в колониях и в том числе, Шанхайском сэттльменте.

– Я все-таки не могу понять для себя... Исходя из этой истории, ты о чем приехал меня просить? Чтобы я тебя от триады спас? Или опять составил протекцию на работу в Шанхае?

– Нет, нет... я туда не вернусь. Русский погиб случайно. Убийца решил со мной расправиться и забрался в мои апартаменты. Не могу понять, почему так сложно...

– Это легко объяснимо. Значит, кто-то в триаде решил, что именно этот исполнитель должен убить тебя именно дома. Ему такой приказ отдали. Он должен был доказать свое мастерство.

– Ха! – не сдержался слегка охмелевший Генри. – Он на мне тренировался?

– Нет. Экзамен сдавал. Твой Алекс не только сам погиб, но еще и наемника этого за собой потянул. Скорее всего, неудачливый убийца не вынес позора и покончил с собой каким-нибудь неординарным способом. Так зачем же ты приехал, Генри?

Молодой человек, вернувшись в реальность после шторма мыслей, пронесшихся у него в голове, решил рассказать историю до конца.

– Прежде чем ретироваться, я зашел в комнату этого русского инженера – она была открыта. Меня давно терзало любопытство по поводу его планшета, который он всегда держал при себе.

Неспешно, с налетом театральности, Генри опустил руку во внутренний карман и извлек оттуда толстую связку сложенных в несколько раз бумаг. С торжествующим видом, словно получив от крупье нужную карту, Генри положил сверток перед своим дядей на журнальный столик.

– Что это?

– Посмотрите сами, дядя Филипп. Я не имею морального права давать оценку важности этих документов.

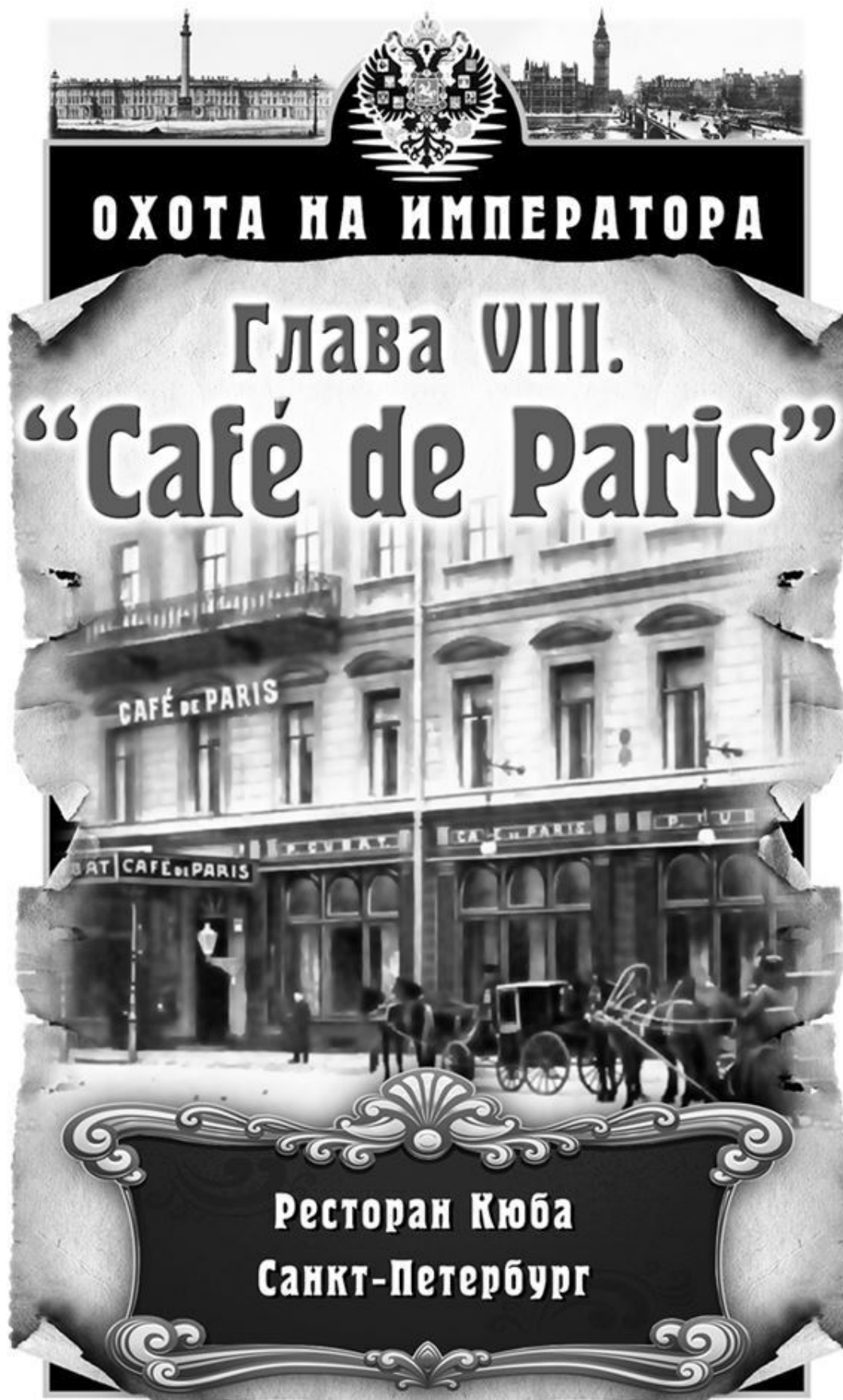
«Как был паршивым актёришкой, так и остался» – подумал лорд, развязывая черную тесьму.

Четверть часа лорд с увеличительным стеклом в правой руке тщательно исследовал все карты, бумаги, отчеты, составленные инженером Буржановским в адрес Министерства путей сообщения Российской империи, добравшись, наконец, до последнего письма.

«Настоящим сообщаем, что маршрут Транссибирской железнодорожной магистрали согласован Его Величеством. Вам предписано прибыть в Санкт-Петербург для составления сметы...»

– Можешь считать, что ты искупил свою вину, Генри... – лорд Клиффорд на этот раз улыбнулся племяннику искренне, после чего погрузился в раздумья, размеренно покачивая загнутым кверху кончиком домашней парчовой туфли.

Глава VIII
«Café de Paris»

– Господа, господа... мест нет! – швейцар на входе пытался соблюдать правила приличия и не пускать в ход руки, препятствуя страждущим попасть в ресторасьон, что располагался на углу Большой Гостиной и Кирпичного переулка.

Заведение славилось на всю столицу не только изысканной французской кухней, шикарным интерьером и отменным обслуживанием, но и тем, что нередко кредитовало своих постоянных клиентов из числа богемы. Подобная лояльность хозяина и возможность встретить среди завсегдатаев ценителей искусства, с которыми можно было за бокалом вина обменяться мнением по любому достойному внимания поводу, обеспечили ресторану завидную популярность.

Сегодня, однако, ажиотаж случился не по поводу внезапной премьеры нового блюда или невиданных скидок. Заведение подверглось легкому штурму со стороны поклонников госпожи Бриджид, прослышавших, что именно здесь будут давать обед в её честь по поводу первого выхода на сцену Большого Каменного театра.

– Закрыто! Все столы заказаны, мест нет! – голос швейцара уже слегка охрип.

– Какая неприятность... – Завадский, слегка обескураженный увиденным перед входом, уже обдумывал альтернативные варианты, но Лузгин, хитро моргнув Завадскому, стоявшему в стороне в обществе Татьяны и своей супруги, неспешно направился в сторону возвышавшегося над толпой швейцара.

– Милейший! – швейцар обратил внимание на громкий окрик и поднятую руку в желтой кожаной перчатке. Лицо его тут же приняло привычное благостное выражение и расплылось в доброжелательной улыбке.

– Леонид Павлович, дорогой! Милости прошу! Господин заказывал, отойдите, пожалуйста!

Отдав в гардероб свои шинели и пальто спутниц, господа офицеры оправили мундиры перед громадными зеркалами.

– Леонид, примите моё восхищение! – Завадский маленькой расческой поправил кончики усов. – Я так понимаю, ты здесь завсегдатай?

– Не совсем. По роду службы имел некоторое общение с господином Кюба, здешним поваром.

– Кажется, я начинаю понимать... Проныра Пьер таки добился статуса поставщика двора Его Величества?

– Александр, ваше любопытство переходит рамки приличия, – Лузгин, усмехнувшись, похлопал друга по спине и пригласил их спутниц первыми ступить на лестницу.

Официант, услужливо поклонившись, провел гостей в угол зала, где на этот случай был зарезервирован стол, покрытый белоснежной скатертью и сервированный на четырех персон.

– Прелестно, не находите? – Завадский, слывший с молодости не только повесой, но и гурманом, уже предвкушал предстоящее наслаждение.

Екатерина Алексеевна, согласно кивнув, отвлеклась от милого общения с Татьяной – за несколько минут знакомства им удалось припомнить обстоятельства, при которых они познакомились много лет назад. Обе числились лучшими выпускницами Смольного института благородных девиц с той лишь разницей, что шифр получили с интервалом в несколько лет.¹⁹

Прекрасное французское Бордо, паштет из гусяной печени, сыры, перепела, замоченные в шампанском – Завадский с видом профессионального дегустатора отдавал команды лакею, быстро пробегая взглядом меню.

– Саша, твое знание здешней кухни ставит меня в тупик, – Лузгин согласился с выбором, который дамы уже одобрили. – Удивительно, что мы встретились в опере, а не здесь...

¹⁹ Шифр – золотой вензель с бантом, означавший окончание института с отличием. Шифр так же выдавался фрейлинам императорского двора.

– Не вгоняйте меня в краску, друг мой! Я женатый человек, и в одиночестве заведения не посещаю, не так ли, любимая? – Завадский взглядом обратился к супруге, получив в ответ благосклонную улыбку и руку для поцелуя.

– Вот-с, Леонид Павлович... – Татьяна так же подала руку, получила свой знак внимания и, понимая, что все её возможные упреки бесполезны, предпочла погрузиться в воспоминания о Смольном в обществе своей старой знакомой.

Парижское кафе в центре Петербурга Лузгин считал своим любимым заведением, но исключительно с точки зрения практического использования в своей службе. Во всей столице было не сыскать более подходящего места, где встреча с нужным человеком не могла показаться специально подстроенной, что позволяло избегать лишних слухов и кривотолков. Конечно, такое служебное рвение Татьяна, порой, истолковывала превратно, но терзаниям своим никогда не позволяла вырваться наружу – воспитание не позволяло ей оскорбить мужа подозрением, тем более, что она никогда от Леонида не уловила ни одной ноты дамских духов.

Услужливый официант из числа отставных гвардейцев поглядывал издали за гостями, одновременно успевая помогать накрывать банкетный стол в центре зала.

– О твоих успехах я слышан слишком скудно. Поговаривают, ты высот достиг при дворе, – Завадский не скрывал своей радости от встречи.

– Преувеличивают, – Лузгин недолюбливал французские вина, считая их причиной своей изжоги, потому попросил подать запотевший графинчик водочки с соответствующей напитку закуской, после чего поднял хрустальную рюмку. – Я все больше в путешествиях. Вот так вернуться, бывает, а в Петербурге новая мода на сюртуки. Или чего хуже – Татьяне Борисовне веер новый презентую, а оказывается, в европах такое уже выбрасывают. Никогда не успевал за всеми этими придворными новостями.

– Так чем же ты так занят? – Завадский щелкнул пальцами, и отставной гвардеец тут же наполнил дамам бокалы.

– Всё больше поисками ответов на вопросы.

– Леонид, друг мой, не томи! Могут ли быть секреты между старыми друзьями?

В зале произошло необычное оживление – прислуга выстроилась в линию, а метрдотель побежал вниз встречать гостей на банкет.

– Какие секреты? Служба моя настолько неинтересна, что ты даже представить себе не можешь.

– И всё же? – настойчивости и любопытству Завадского мог бы позавидовать самый ушлый дознаватель.

– Пообещай мне, бестактный капитан, что это последний вопрос! – Лузгин в шутку стукнул кулаком по столу.

– Пока в красках и подробностях не расскажешь – не отстану, – Завадский, словно наслаждаясь своей значимостью, характерным жестом заставил выйти из строя обслуживавшего их официанта. – Милейший, а подайте-ка и мне водочки!

– Сей момент, господин капитан-лейтенант! Вино пришлось не по вкусу?

– Что ты... Хочу быть в одной поре с другом своим... – Завадский обнял Лузгина, который никак не отреагировал на искреннее проявление дружбы – на лестнице в числе первых гостей, сияя лысиной, появился Джованни.

– А чей банкет? – поинтересовался Лузгин у официанта.

– В честь мадам Бриджид. Уверен, вы слышаны о её оглушительном успехе в опере, – человек продемонстрировал завидную, как для лакея, информированность, после чего с быстротой юного посыльного исчез из поля зрения.

– Bravo! Bravo! – из тех счастливых, которым фортуна позволила оказаться в этом зале, о предстоящем банкете с участием оперной дивы не знали только гости, попавшие за угловой

столик – чета Завадских и их друзья. Все остальные встали, приветствуя Бриджид, директора труппы и ведущих актёров.

Раскланиваясь, и, благодаря публике за внимание, Джованни картинно уступил Бриджид путь, сопровождая её триумф реверансом, полным той приторной театральности, которую Лузгин так ненавидел.

Адъютант считал актеров самой сложной публикой в своей работе. Не единожды ему приходилось иметь с ними дело и всегда это стоило лишних нервов – все эти ужимки, цитирования, упоение собственной значимостью и постоянное лицедейство доводили капитана второго ранга до белого каления. Ему, человеку с прагматичным складом ума, претило это бесконечное их стремление к исключительности, сопровождаемое полной неприспособленностью к жизни за пределами сцены.

Окинув взглядом громадный зал, Бриджид, в знак признательности одарила присутствующих легким кивком, после чего обратила внимание на угловой столик, явно выбивавшийся из общей картины ликования по поводу её прибытия. Два военных беседовали между собой, не обращая ни малейшего внимания на её прибытие. При этом Татьяна демонстративно положила свою руку на плечо мужа, нашептывая ему что-то на ухо:

– Посмотри, Лёня... В миру Кармен – совсем обычная...

В действительности же, и без театрального грима правильные черты лица актрисы обращали на себя внимание окружающих. Природа её одарила естественной красотой щедро, будто нарочно создавая источник вдохновения для художников, режиссеров и почитателей. Немного вздернутый носик придавал её образу детскую задиристость, длинные и густые ресницы подчеркивали туманный и загадочный взгляд, а легкий румянец добавлял какую-то манящей невинности.

– Итальянке легко превратиться в цыганку... Хотя, гардероб, конечно, делает чудеса, – ответил Лузгин, возвращаясь к беседе с другом.

Бриджид, продолжая учтиво улыбаться поклонникам, всё же нашла секунду, чтобы испепелить Лузгина взглядом, полным не то страсти, не то – презрения.

– Мы приветствуем нашу достопочтенную гостью и имеем честь от имени заведения преподнести небольшой презент! – управляющий лично вышел встречать солистку оперы, и после его хлопка в зале появились два поваренка, облаченных в белоснежные колпаки, аккуратно катившие впереди себя накрытую скатертью тележку, на которой красовался трёхэтажный торт.

Появление шедевра кондитерского искусства, украшенного множеством розочек и фигуркой Кармен в красно-черном платье на самом верху, вызвало бурю восторга публики и приступ умиления у Джованни:

– Белиссимо! Как мило! – пухлые пальцы сложились привычный для итальянца умоляющий жест.

Обмен реверансами и комплиментами продолжался еще некоторое время, после чего Джованни взял на себя функции распорядителя банкета, рассаживая гостей и отдавая команды прислуге.

– Ничего в моей работе нет общего ни с морем, ни с такелажем, Саша... – в голосе друга Завадский уловил некоторую ноту тоски за прошлыми временами, когда они вместе ходили под парусом. – Служу в Третьем отделении...

– Вот это поворот! – капитан-лейтенант искренне удивился, после чего даже снял салфетку с воротника. – Уж не знаю, что и думать... Так это вас весь Петербург клянет на чём свет стоит! Мол, не доглядели, не уберегли государя, чистая случайность спасла...

– И ты туда же, дружище! Спокойно! Прикомандирован, «после того как»! Вот, буду «доглядывать», – остудил Завадского адъютант. – А ты, насколько я знаю, в Кронштадте?

– Так точно. В арсенале. За главного. Командую пока что.

– А что так?

– Поговаривают, военный губернатор племянника своего метит на мою должность. Нет, ну, открыто, конечно, ничего не говорит, да и по службе не изничтожает... Ты же знаешь, Лёня, мир не без добрых людей, обязательно найдется кто-нибудь информированный, да подселит эту червоточину сомнений... Ищу себе запасный вариант. Думаю податься в преподаватели. А что? Опыта достаточно, знаний тоже...

– Александр, я вас прямо не узнаю... – Лузгин протер уголки рта салфеткой, предпочитая трапезе обстоятельную беседу. – Давай-ка твои заслуги перед Отечеством поднимем на уровень, недоступный для нападок недоброжелателей.

Завадский изобразил полное недоумение, вместе с тем, продолжая внимательно прислушиваться к каждому слову Лузгина – в общем шуме соседствующего с ними банкета, где то и дело громко произносились оды солистке оперы, делать это становилось всё сложнее.

– Вот, к примеру, друг мой старинный, ответь... Насколько сложно изготовить нитроглицерин?

– Отвык я от тебя, Лёня. Право, отвык... Эти твои неожиданные повороты, – улыбнулся Завадский. – Имея некоторые познания в химической науке, да еще – немного смелости и отчаянья, вполне можно.

– Это сложно? – интерес Лузгина переходил в практическую плоскость.

– Скажу так – прочесть «Таинственный остров» Жюль Верна в оригинале – этого не достаточно. Нужно знать температуру, после которой смесь взорвется. А что, обязательно изготавливать? Всё же, это рискованно... Я понимаю, Лёня, твою мысль. Ты копаешь дело тех бомбистов, о которых гудит вся Москва и весь Петербург?

– А динамит из нитроглицерина? Это насколько возможно? – Лузгин будто не расслышал вопроса Завадского и продолжал расспрашивать, что навело капитан-лейтенанта на мысль, что его предположение о роде деятельности Лузгина весьма близко к правде.

– Нужно лишь некоторое количество правильного наполнителя и, опять же, некоторые практические навыки. Лёня, разыскать таких умельцев – шансы мизерные. Сейчас любой более-менее любознательный студентик, добравшись до какого-нибудь научного журнала на французском, может найти публикации Нобеля и – вуаля! Если не струсит, то сделает...

– Какие будут предложения? – Лузгин уже который день искал зацепку, как выйти на след бомбистов, а тут Завадский с такой легкостью разрушает сюжет его поиска...

– Это просьба или приказ, Ваше высокоблагородие? – лицо Завадского на миг обрело каменное выражение.

– Саша... Ты прости мне мой тон. Не привык рядом с собой видеть единомышленников. Порой ловлю себя на мысли, что сам себе не верю, к каждой мысли придираюсь. Когда поиск истины превращается в профессию, это очень вредно и для характера, и для брака.

– Да уж... Куда подевался этот душа компании, Лёнька Лузгин... – Завадский тут же оттаял, – ну, во мне-то можешь по-прежнему, не сомневаться! Касательно предложений... У тебя, я так понимаю, времени в обрез?

– Так точно. Рассчитывать на то, что мои новые коллеги будут землю рыть в поисках заговорщиков, не приходится. Тихое болото в этом Третьем отделении. Они мыслят на уровне городского. Всё по приказу, да в хвост убегающей собаки. Мне нужна любая зацепка. Этот взрыв не последний. Так мыслю, – пока жены офицеров увлеченно судачили о модах, Лузгин позволил себе негромко поделиться с другом своими предположениями.

– М-да... – в тоне Завадского звучала если не обреченность, то искреннее сожаление, что им достались такие смутные времена. – Не преувеличиваешь?

– Саш, там такая работа проделана была... Они дом купили, ты же читал газеты?

– Я, если быть откровенным, списал это на фантазии редакторов. Тогда получается, что в финансах заговорщики ограничены не были?

– Получается так.

– Тогда и нитроглицерин для них купить – не самая большая проблема. С динамитом, скорее всего, было сложнее. Все же, взрывчатка находится под постоянным контролем. А много там ее было? – приятели вели разговор тихо, прерываясь на то время, когда походил официант.

– Да черт его знает... – в раздумье ответил Лузгин. – Скорее всего, не меньше пуда.

– Тогда проще сделать самим. И меньше вероятность попасться на скупке.

– Тоже так думаю... Лишние люди в цепочке.

– Ты вот о чем поразмысли, – Завадский почесал подбородок. Он всегда так делал еще с курсантских времен, когда пытался осилить поставленную задачу. – Им нужны были запалы. Запал в чулане изготовить невозможно. Или он будет совершенно ненадежным.

Джованни встал, поднял бокал, но публика продолжала шуметь, издавая размеренный гул, звук которого напоминал рынок в базарный день – банкет перешел в ту стадию, когда каждый общался с соседом, в лучшем случае – это был человек напротив, но такая диспозиция лишь заставляла повышать голос. Директор труппы окинул суровым взглядом длинный стол, после чего вилок по постукал по бокалу. Звон хрусталя вернул приглашенных в реальность и мгновенно воцарилась полная тишина.

– Спасибо... – раздраженно произнес итальянец. Банкет шел по обычному для него сценарию – восторг, гомон, восторг, споры о теории оперного искусства, признания в любви приме, беспощадная критика, опять признания в любви.

– Джованни, аккуратней... – Бриджид, прекрасно зная вспылчивую натуру директора труппы, прочла в этом его негромком «спасибо» предзнаменование бури.

– Да, конечно... Дорогие друзья! – замолчали не только гости за банкетным столом, но и все, кто находился в зале. – Буду говорить сейчас слова признательности!

Джованни, как положено человеку, имеющему непосредственное отношение к театральному искусству, выдержал долгую паузу, при этом уткнувшись взглядом в стол в ожидании полной тишины.

– Путь к триумфу был долог... Это были месяцы тяжелого труда, пота и творческих терзаний. Я благодарен каждому артисту нашей труппы, я целую каждого из музыкантов оркестра, я готов поклониться каждому портному...

Резким взмахом руки Джованни прервал попытки аплодировать его словам, после чего опять сосредоточился, поправив бабочку.

– Мадам Бриджид... – директор труппы, переложив бокал в другую руку, при этом прикоснувшись к пальцам певицы. – Нет вас – нет в Петербурге Кармен! Браво мадам Бриджид!

Повинуясь какому-то коллективному ритуалу, все присутствующие встали одновременно, осыпая при этом солистку комплиментами. Кто-то аплодировал, кто-то демонстративно высоко поднял хрусталь; некоторые, особо впечатлительные особы уже утирали слезу, а сама Бриджид, скромно опустив взгляд, приложила руку к сердцу и замерла в признательном поклоне.

Джованни жестом дирижера, командуя своему оркестру прервать выступление, остановил всю эту феерию, после чего, с нотой присущего ему драматизма, продолжил:

– Бесподобная Бриджид! Бриллиант в оперной короне мира!

Две солистки, певшие партии цыганок на одной сцене со звездой, не смогли сдержать эмоций и театрально закатили глаза.

«И еще все актеры невыносимо ревнивы к чужому успеху...» – подумал в эту секунду Лузгин, внимательно наблюдавший за сценой канонизации певицы.

– Да, да! Бриллиант! Алмаз высшей пробы! Но разве может драгоценный камень доставить восхищение, если он спрятан в шкапулке? Может ли взор восхищения оценить все его сияние, если камень спрятан в сейфе? Нет, конечно...

Гости за столом несколько поутихли, не понимая, куда клонит импресарио.

– В своих самых смелых мечтах я не мог рассчитывать, что госпожа Бриджид, имеющая обязательства перед лучшими сценами Европы, соблаговолит принять наше предложение и осчастливит здесь ценителей оперного искусства своим неповторимым меццо-сопрано...

Джованни многозначительно поправил бабочку.

– Дева Мария услышала мои молитвы и послала мне высочайшего покровителя, любящего оперу так же, как и я... Благодаря влиятельности Его Высочества, Великого князя Константина Николаевича, моя... Нет... Наша с вами мечта сбылась! Я прошу передать мой низкий поклон Его Высочеству.

Директор труппы, отодвинув стул, вышел из-за стола и направился в сторону Лузгина вместе с виновницей торжества.

– Господин адъютант! Прошу передать Его Высочеству нашу признательность и глубокое почтение. Великий князь в ряду дел государственной важности нашел место и для нашей скромной оперы.

Лузгин, явно не готовый к такому экспромту со стороны директора труппы, поднялся, чтобы пожать руку итальянцу, рядом с которым тут же оказалась Бриджид.

– Всегда в распоряжении Великого князя! Нам лестно, что он посетил премьерный выход госпожи Бриджид! Так и передайте, Леонид Павлович! Так и передайте! – Джованни тряс руку адъютанта, будто тот, как минимум, спас его труппу от банкротства.

– Так это вашему патрону я обязана своим фантастическим успехом в Петербурге? Не так ли, Лео?

Бриджид, приняв кокетливую позу, улыбнулась так, как это делала Кармен перед Доном Хосе в первом отделении, и подала для поцелуя руку в прозрачной белой перчатке.

Лузгин, однако же, целовать тонкие пальцы итальянки не стал, а всего лишь взял её ладонь, да после этого едва заметно кивнул.

– Его Высочество будет проинформирован о вашей признательности, Джованни. И о вашей тоже, мадам Бриджид...

– Лео, вы подзабыли... Не мадам, мадемуазель, – в каждом слове певицы сквозило раздражение. Капитан только час назад преподнес ей корзину цветов, и что она видит? Прекрасную его спутницу, окатившую её сейчас холодным взглядом. Кармен не могла оставить этот вызов без внимания.

– Госпожа Бриджид, примите наше восхищение вашим талантом... – Лузгин предпочел прервать разговор, пока маслянистый взгляд певицы, пожиравшей его глазами, не превратился в неприлично откровенный и страстный.

– Господин Лузгин! Сделайте нам честь! Присоединитесь вместе с вашим другом и прелестными спутницами к нашему застолью в честь госпожи Бриджид! – Джованни в своем порыве благодарности был неудержим.

– Благодарю, господин Олива... Я предпочту остаться в нашем узком кругу, у нас есть темы для беседы, – Лузгин назвал директора труппы по фамилии, зная, что тот этого не любил – форма его давно расставшейся с волосами головы действительно напоминала оливок.

– Очень жаль, Лео...

Бриджид демонстративно развернулась и проследовала к своим поклонникам, наполнившим уже бокалы для следующего тоста в её честь.

За угловым столом возникла неловкая пауза. Поправив рукава платья, Татьяна решила её прервать, обратившись к Завадской:

– Катенька, а не подскажете, Лео – это Лев?

– Насколько я понимаю, вы правы в своих предположениях, Татьяна, – Екатерина Алексеевна мысленно восхитилась хладнокровием своей сокурсницы, прекрасно понимая, что совладать с клопочущей внутри ревностью любящей женщине практически невозможно.

– Ну что же... не так уж и скверно... Подобный льву превратился в самого льва...²⁰

В это время подпоясанный кушаком официант появился на лестнице с громадным букетом, который он тут же, вместе с запиской, передал Джованни.

– Великолепной Бриджид от лейтенанта Крапова... – немного охмелевший от вина и успеха, Джованни зачитал записку громко, не стесняясь в интонациях.

– Это не ваш букет, Джованни... Вы ведете себя, как прапорщик... – взбешенная Бриджид вырвала букет и вернула его официанту. – Поставьте в вазу! Я заберу домой!

Записка же, вырванная из рук импресарио, тут же оказалась под тем краем платья, куда женщины прячут самое сокровенное.

– Крапов? Эх, чертяка... – негромко произнес Завадский.

– Лео... – Татьяна грациозно положила подбородок на согнутую кисть руки. – Мне кажется, у вас появился конкурент... Постарайтесь на этот раз обойтись без дуэли.

²⁰ Леонид (др.-греч.) – подобный льву, потомок льва.

Глава IX
Приговор

Подняв воротник, он вынужден был опустить голову, спасаясь от хлесткого ветра. Казалось, что резкие порывы, несущие с собой заряды колючего снега, пытались сбить с ног и повалить на мостовую, чтобы потом окончательно засыпать с головой.

Такая погода, однако, Михеева не печалила. Напротив, сопротивляясь напору снежной бури, он двигался мелкими шагами, почти не отрывая ног от покрывшегося тонкой коркой льда тротуара, имел возможность обернуться, не вызывая подозрений. К десяти часам вечера прохожих на Ямской можно было по пальцам пересчитать. Редкие силуэты с трудом различались в снежной туче, которая, казалось, полностью опустилась на землю.

Добравшись до Кузнечного переуллка, Михеев неслучайно поскользнулся, после чего, кинув назад взгляд, удовлетворенно осмотрел пустую улицу.

Последние месяцы, в те редкие разы, когда он выбирался из своего убежища на воздух, приходилось часто хитрить, меняя одежду, а в ясные дни Михеев заставлял себя клеить накладную бороду, нафталиновый запах которой раздражал его больше, чем самодеятельность некоторых его единомышленников.

Высокая дубовая дверь с массивными чугунными ручками в виде колонн, через большие стекла которой лился теплый свет, подалась на удивление легко, не издав ни звука. Михеев, используя шапку, в парадном с усердием сбил с палто весь снег и несколько раз громко топнул сапогами, чтобы не оставлять на чистом полу мокрых следов, но не из уважения к прислуге, а исключительно из соображений безопасности. Меньше всего он сейчас хотел, чтобы в конце его маршрута, какой-то любопытный и наблюдательный персонаж определил ту дверь, за которой его ждали.

Два коротких стука, после паузы – еще два. В квартире под номером восемнадцать послышалось некоторое оживление, после чего изнутри сняли цепочку, ключом провернули замок, и створка двери открылась, издав неприятный, немного свистящий звук.

Михеев, сделал шаг внутрь и закрыл за собой дверь, испытал крайнюю степень раздражения:

– А ведь смазать петли – минутное дело!

Двое мужчин и женщина, уже который час ожидавшие своего товарища, несмотря на этот его укор, вздохнули с облегчением. Любое опоздание напрягало нервную систему и заставляло гнать от себя тревожные мысли.

– Дай, я сам! – Михеев отстранил юношу с пышной прической от ящика специального стола, к которому намертво была прикручена швейная машина «Wheeler & Wilson», после чего, что-то там обнаружив, вернулся ко входу.

Довольный результатом, Михеев несколько раз пошевелил дверь, которая теперь открывалась бесшумно, и вернулся на место маленькую маслёнку с длинным носиком.

– Доброй ночи, господа кружковцы... – Михеев подошел к аккуратно сложенной стопе наволочек и пощупал материал. – И что, берут?

Вопрос был адресован миниатюрной, миловидной барышне с высоким лбом и ясным взором, одетой в передник и длинное синее платье до щиколоток.

Настоящей ее фамилии никто из присутствующих не знал. В этом кругу подобное любопытство не приветствовалось – каждый выбирал себе имя и фамилию по вкусу и в зависимости от обстоятельств. Достаточно было того, что их объединяла общая идея и стремления. Остальное считалось условностями – тем полезней были эти псевдонимы на случай провала. Даже имея желание, любой их соратник, попавшийся в руки чиновников Третьего отделения, мог назвать исключительно вымышленные имена.

Пару месяцев назад, представившись женой мелкого польского коммерсанта, Льва Выговского и назвавшись Софьей, миловидная барышня пожаловалась владелице доходного дома, жене купца второй гильдии, прусской подданной Розалии-Анне Густавовне Клинок-стрем, что дела у супруга идут не слишком бойко и ей придется подшивать постельное белье,

чтобы гарантировано иметь деньги на квартирную плату. Розалия Густавовна против того не возражала, тем более, что американская швейная машина новой постоялицы работала совершенно бесшумно, а редкие гости Софьи и ее мужа беспокойства соседям не доставляли.

– Не так уж... – ответила хозяйка квартиры Михееву, вытащив из камина несколько угольков, чтобы раздуть самовар. – Но, на варенье хватит!

Софья подошла к серванту, откуда достала вазочку с малиновым вареньем, запах которого мгновенно окутал зал её квартиры.

– Следует иногда позволять себе отойти от аскетичного образа жизни, тем более – в таком близком обществе, – Выговская пригласила всех к столу, расставив предварительно чашки с блюдами.

Любому, случайно появившемуся в дверях свидетелю этой встречи можно было бы подумать, что здесь происходит заседание какого-то благотворительного общества. Разговор шел о сборе средств, о новых подписках на благое дело и источниках финансирования. Иллюзия благотворительности сохранялась до тех пор, пока слово не взял Михеев.

Встав, и по привычке, заложив руки за спину, он принялся ходить по комнате, глядя то в пол, то на своих единомышленников:

– Необходимо резюмировать итоги нашей работы за последнее время...

Присутствующие на тайном собрании заговорщики поставили чашки в блюда и сосредоточились, на время забыв о вкуснейшем малиновом варенье.

– В исполнении приговора, вынесенного нашим обществом деспоту и угнетателю, самодержцу всея Руси Александру Второму, мы не продвинулись ни на шаг. Как вы все знаете, подрыв поезда оказался неудачным – мы подняли на воздух лишь два вагона с фруктами. Потому как поезд доехал до Москвы, вы тоже понимаете, что наша засада в Александровске так же не увенчалась успехом. Взрывное устройство, заложенное под полотном, не сработало. Случайность это, или кто-то из наших преднамеренно повредил провода, или что-то ещё, мне также не понятно, как и вам.²¹

– Как же это тошно, даже в мыслях допускать, что рядом с тобой притаился предатель... – Софья поправила передник, и Михеев очередной раз восхитился её способностями к перевоплощению – перед ним сидела настоящая белошвейка.

– Я не утверждаю. В этом предстоит разобраться. Кстати, Софья... Примите наше восхищение. Вы так искусно улизнули от облавы на вокзале, как вам это удалось?

– То была не я. То была студентка Смольного, пребывавшая в гостях у тетушки и уставшая от московской суеты. Барышня от тоски нестерпимо захотела домой, в Петербург, – ответила Выговская, скромно улыбнувшись.

Человек, которого Розалия Густавовна знала, как супруга Софьи, тут же восхищенно вскинул руки и не постеснялся отдать должное своей «жене»:

– Мастерская работа... Каждый раз поражаюсь её хладнокровию... Многим из нас следует брать пример с Софьи!

– Оставьте, Лев! – железным тоном, не терпящим пререканий, парировала белошвейка. – Мы здесь собрались не для этого. У каждого свои способности. Именно из-за вашей повышенной чувствительности и экстраординарной нервозности Комитет не доверил вам эпизод в Александровске.

– И что же? Где результат? – с некоторой нотой злости огрызнулся мелкий коммерсант Лев Выговский.

– Прекратить склоки! Немедленно! – голос Михеева приобрел тот металлический оттенок, который незамедлительно ставил на место любую пылкую натуру из числа членов их тайной организации.

²¹ Александровск – ныне Запорожье.

– Я продолжу... – сказал Михеев, после чего Выговский успокоился. Выговская предпочла направить взгляд в окно, уже почти полностью облепленное снегом, а пылкий юноша с пышной прической позволил себе сделать вид, что к этому взрыву эмоций отношения не имеет, для чего он без всякого стеснения подвинул к себе вазочку с вареньем и принялся обмакивать туда баранку.

На самом деле, визит Михеева имел для Комитета, представленного здесь полностью, значение ключевое. Неудача на московской железной дороге настолько больно ударила по оптимизму и уверенности в своих силах, что теперь только он, Александр Михеев, руководитель и вдохновитель всего движения заговорщиков мог вернуть их в чувство и направить в продуктивное русло все их мысли и действия.

– Первым делом требую от всех присутствующих вернуться к самообладанию, – из общего числа кружковцев Михеев обладал тем самым даром, который присущ совершенно немногим людям, способным вести за собой других. Как только он начинал говорить (а делал это он совершенно не громко) остальные замолкали и не смели вставить ни слова до окончания его речи.

Михеев сейчас тщательно взвешивал каждое слово. Напряжение, связанное с их нелегальным положением и неопределенностью планов вносило ненужную нервозность.

– Второе... – Михеев достал папиросу и чиркнул спичкой. – У нас появился достойный соперник.

Три пары глаз впились в него вопросительным взглядом.

– Некто Лузгин. Капитан второго ранга. Прикомандирован к третьему отделению по приказу Великого князя Константина.

– С какой целью? – Софья поднялась со своего места, взяла из комода пачку папирос, одну из них вставила в длинный мундштук и демонстративно подошла к Михееву.

– С целью расследования взрыва свитского поезда, – Михеев, похлопав себя по карманам, нашел спички и поднес огонь белошвейке.

– Всего-то? – проронила Софья, глядя на горящую спичку. – Что же он там найдет? Подкоп?

Спичка в крупных пальцах Михеева горела все ярче, но Софья не торопилась подносить папиросу.

– Пусть ищет. Почему ты считаешь его опасным?

Михеев продолжал держать спичку, и лишь тогда, когда пламя уже вплотную подобралось к его пальцам, Софья неспешно наклонила мундштук и остатки огонька переключали на кончик ее папиросы. Такие эксперименты с председателем Комитета доставляли ей удовольствие. Это все, что она могла позволить себе, страдая от любви к «каменному эгоисту», которым она его считала. Без малейшей надежды на взаимность, она все же, иногда, проверяла его способность жертвовать собой ради неё. Пусть даже, в таких пустяках.

– Ко всему, этот капитан, еще и адъютант Великого князя. Очень похоже, что младший Романов всерьез встревожен, раз подослал в отделение своего человека.

– Ну что ж... Опасения его не напрасны. Мы не остановимся. Кстати, Саша... – Выговская редко называла Михеева по имени, только тогда, когда ей нужно было подчеркнуть свою особую, как она считала, приближенность. – Могу я поинтересоваться, откуда у нас такие подробные сведения?

Михеев, недовольно поморщившись, выбросил остаток спички в пепельницу, стоявшую на столе.

– Ответа не будет. Это совершенно не нужная вам информация. Давайте исходить из того, что каждый из нас будет знать только то, что необходимо для выполнения задачи. Вам самим так будет легче, поверьте. Источник достоверный.

Никто, кроме Софьи не мог пререкаться с Михеевым, а она, понимая, что в некоторой степени владеет его умом, будто пыталась каждый раз довести его до срыва. Влюбленная женщина мыслит категориями, ей самой не всегда понятными – один взгляд в ее сторону может превратиться в логическую цепочку, финалом которой должно стать какое-либо испытание для ее рыцаря.

– Конечно, мы тебе верим, дорогой Саша... – Софья, обойдя стул, манерно затянулась. – Что прикажешь? Для нас этот капитан стал непреодолимым препятствием? На этот случай у нас есть бесстрашный Гера... – белошвейка указала взглядом на щуплого студента. – Гера владеет холодным оружием в совершенстве...

– Не о том я. – Михеев, раздраженный своей минутной слабостью и тем, что позволил Софье пустить в ход свои женские уловки и перехватить инициативу, затушил свою папиросу.

– Готовим следующую акцию. В этот раз мне будет нужно минимум вашей помощи. Софья, Гера... Изучите пути передвижения царя по Петербургу. Это на случай, если у меня что-то сорвется. Тогда ваше выступление будет следующим.

– Не понимаю, для чего мы здесь нужны, если знать нам ничего не следует, вопросов задавать нельзя... – Софья вспыхнула, не совладав с эмоциями.

Михеев, неторопливо опустив руку во внутренний карман, извлек из него толстую пачку банкнот разного достоинства, перевязанную бечевкой, и положил ее на стол рядом с вареньем:

– Финансовый вопрос я решил. Это на первое время. Ищите место, из которого можно подложить бомбу под мостовую. Где он ездит, каким маршрутом, в какое время, на чем... Когда определимся с адресом, проработаем легенду. Лев, тебе на улице особо не мелькать. Арендовать будешь ты. Гера. Готовь взрывчатку и запалы. Софья. Прошу тебя, будь осторожней. Ты слишком красива, на тебя часто обращают внимание. Жандармы из поезда описали тебя детально, но твоя идеальная дворянская речь совершенно сбивала их с толку.

– А ты, Саша, в это время будешь сам приводить приговор Комитета в исполнение? – после слов Михеева в свой адрес она была готова взлететь от счастья, но чувство это было мимолетно и безнадежно потушено тревогой за любимого человека.

– Если мне удастся, тебе не придется рисковать собой. Для меня это важно. Всё. Расходимся. Я первый.

Только Михеев ступил в сторону двери, как её сильно дернули со стороны коридора, да так, что захрустели петли.

– Хозяйка, откройте! – басовитый голос с той стороны не предвещал ничего хорошего.

Гера тут же продемонстрировал чудеса ловкости. Он совершенно бесшумно ретировался с кожаного дивана в соседнюю комнату, ступая на цыпочках, будто крадущийся кот. Лев поправил шелковый нашейный платок, закрывавший его шрамы на шее, возникшие от детской болезни, тронул рукой сеточку на волосах, запахнул шелковый халат и уселся возле самовара, взяв в правую руку блюдце с чаем, а в левую кусочек сахара. Михеев снял шапку, резким движением бросил ее на полку при входе и в два шага оказался возле швейной машины.

– Откройте, любезная! – бас звучал настойчиво и громко.

Софья, нисколько не выдав волнения, взяла в руку заварник для чая и, держа его в левой руке, направилась отпирать дверь.

Тень громадного гостя в овчинном тулупе легла в зал, не оставив места на полу.

– Что ж вы, Софья Никаноровна, так медлите? – мужик ввалился внутрь, издавая специфический запах самогона, который тут же заместил собой малиновый аромат варенья. За плечами у него висела вязанка дубовых дров высшего качества, аккуратно перевязанная толстой веревкой. – Чай, не молод я уже!

Мужик, не снимая сапог, прошел к камину и аккуратно положил перед камином вязанку:

– Отборные! Как заказывали! Трещать в камине будут – гарантию даю!

Белошвейка не повела и бровью.

– Апполинарий Герасимович! Премного благодарна за дрова, желаете чайку?

– Что вы, любезная, Софья Никаноровна! Мне бы чарочку... Ну, и как договаривались...

Выговская, достав из кармана передника медяк, вручила его истопнику, после чего направилась к серванту, из которого достала графинчик и рюмочку.

– Сонечка, и мне бы на ночь не повредило... – Лев, отвлекшись от утренней газеты, посмотрел на истопника поверх очков, и отвесил декоративную улыбку.

– А я на работе не принимаю... – Михеев что-то усердно прикручивал, не отрывая взгляда от швейной машины.

Истопник погладил седую бороду, грубыми пальцами аккуратно взял за ножку рюмочку, наполненную наливочкой, и вопросительно взглянул на хозяина, перед которым Софья, демонстративно стукнув о стол, поставила хрустальный графинчик.

– Не сердчайте, Софья Никаноровна... – здоровяк производил впечатление виноватого школяра. – Одному пить – прямой путь в могилу, а на дворе такое творится! Пурга метет...

– Давайте, Апполинарий Герасимович... – Лев подошел к истопнику, чтобы чокнуться согласно традиции. – Ваше здоровье...

Оба опрокинули ореховую настоечку, после чего хозяин, удовлетворенный благополучным поворотом дел, вернулся к прочтению газеты; истопник, удовлетворенно крикнув, пробормотал: «Хороша, чертовка... Премного благодарствую»; Софья, как положено хозяйке, сразу же навела порядок и поставила графин на место, а Гера, стоявший за занавеской с револьвером наготове, опять заткнул его за пояс.

– А что ж за машина невиданная такая? – истопник уж было попытался поучаствовать в ремонте, но Михеев безапелляционно отшил его:

– Эка невидаль! Полный Питер уже этих механизмов. Ишь, по ночам шастаю, в любую погоду! От, такое...

– Ааа... ну ладно, хозяева... премного благодарствую. Ежели чаво, так у меня в сухом месте запас еще имеется. Токмо свисните...

– Дык на вас и надежда, Апполинарий Герасимович... Совершенно на вас... Как эту спалим, сразу к вам, – благодарно отвечала белошвейка.

Откланявшись несколько раз, истопник покинул квартиру, после чего Лев глубоко выдохнул, а Гера предпочел до полного разрешения ситуации оставаться в соседней комнате – он не услышал последних слов гостя и стука закрывающейся двери.

– Саша... – Софья, позволив себе дать волю чувствам, прильнула к нему, откинув всякие условности. Казалось, вот-вот ее громадные, серо-голубые глаза наполнятся слезами. – Не делай так больше... тебе нужно было вместе со Львом... Туда...

Впервые за время их общения Михеев позволил себе прикоснуться к Софье, обняв ее за плечи:

– Сонечка... – Михеев говорил тихо, так, чтобы слушала только она. – Если бы это были жандармы, я бы знал. Говорю же, источник есть... Надежный. Агент. Ну, до встречи...

Михеев приветственным жестом попрощался со Львом и накинул на голову промокшую от снега шапку, направившись к выходу:

– Апполинарий... Надо же...

Глава X
Охота
(ретроспектива)

Этим пасмурным ноябрьским утром по всей округе «Хилсборо Мэдоу» землевладельцы загнали свой скот в хлева, позакрывали ворота пастбищ, а их дети сами заняли удобные позиции на чердаках для наблюдения за предстоящей охотой лорда Клиффорда, организованной в честь его какого-то знатного гостя.

Владения лорда достаточно велики, чтобы целый день гонять лису, но кто же знает, куда инстинкт самосохранения забросит спасающуюся от гончих рыжую бестию. Лиса границ не знает, а отара, случайно оказавшаяся на пути своры, может стать нежеланной помехой. Закрытые же ворота, напротив, добавляли колорита и эффектности гонке – всадники на разгоряченных и прекрасно подготовленных конях красиво брали препятствия, от чего сами получали несказанное удовольствие.

Члены охотничьего клуба и те счастливицы, которым повезло получить приглашение на лисью охоту от достопочтенного лорда, загодя подготовили необходимую амуницию и явились к месту сбора во всей красе, согласно ритуалу.

По праву организатора охоты и хозяина своры, Филипп Клиффорд явился в сопровождении своего гостя точно к назначенному времени – тильбюри лорда, запряженная отличным жеребцом гнедой масти доставила их к месту сбора ровно без пяти восемь.²²

– Филипп, как же я отвык от этого... Из всего британского последние несколько лет рядом со мной были только чай, виски и пробковый шлем. Вы представить себе не можете, насколько я благодарен, – мистер Арчибальд Кретч все утро не уставал рассыпаться в комплиментах. Десять дней отдыха, которые он впервые смог себе позволить за четыре года службы в должности управляющего «Jardine Matheson & Co» только начинались, и его старинный друг, Филипп Клиффорд, такой же холостяк, как и он сам, не позволял Кретчу скучать ни минуты.

– Арчи, прекратите, иначе я стану вспоминать, чем я вам обязан, обмен любезностями затянется, и мы пропустим главное – начало охоты, – ответил лорд, лихо спрыгивая с повозки, словно и не было тех десятков лет, что сединой убелили его виски.

Свора первоклассных фоксхаундов числом хвостов не меньше пятидесяти сбилась в плотную стаю. Собаки водили носом, уже пытаясь уловить резкий лисий запах и тихонько поскуливали, возбужденные охотничьим инстинктом.

²² Тильбюри – легкая одноосная карета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.